АЛЕКС АНДРЕЕВА

# Во власти Бездны

18+

ЛЮБОВЬ, КОТОРАЯ СИЛЬНЕЕ СТРАХА

# Алекс Андреева
# Во власти Бездны

*https://litres.ru/74655864*
*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Она не умела бояться, даже когда в жизнь вошла тьма.

Он - тот, чьё имя шепчут в кошмарах, кто коллекционирует последние мгновения чужих жизней и не знает, что такое нежность.

В его замке, среди теней, хрустальных шаров и запретных знаний - время останавливается. И чем дольше она остаётся, тем сильнее тьма привязывается к ней. А когда Свет объявит войну, Алисия должна выбрать: вернуться в мир, который считает её проклятой, или навсегда остаться рядом с тем, кого боится сама Смерть.

История о любви, которая сильнее страха. И о зле, которое учится быть любимым.

# Содержание

Пролог. Грань 4
Глава 1. Экспедиция во мрак 8
Глава 2. Грань тьмы 17
Глава 2.1. Пепел и дневник 31
Глава 3. Хранительница замка 36
Глава 4. Хлоп 47
Глава 5. Первый эксперимент 66
Глава 6. Тени 74
Глава 7. Приглашение к трону 83
Глава 8. «Мне не страшно» 96
Глава 9. Условия содержания 105
Глава 10. Библиотека Бездны 114
Глава 11. Полевой дневник 125
Глава 12. Найя нарушает молчание 134
Г 145
Конец ознакомительного фрагмента. 146

# Алекс Андреева
# Во власти Бездны

## Пролог. Грань

*Дом часовщика. Северный Вэйнвуд. Двадцать лет до основных событий.*

Семилетняя Алисия Вэллс умирала.

Позже отец скажет ей, что всё продолжалось четыре минуты - те самые четыре минуты, когда сердце остановилось, дыхание исчезло, а деревенский лекарь развёл руками и вышел на крыльцо, чтобы не смотреть в глаза хозяину дома. Но сама она не знала о минутах. Она вообще мало что знала… только то, что жар, терзавший тело последние дни, вдруг схлынул, оставив вместо себя странную, невесомую пустоту. Боль ушла. Кровать под спиной перестала ощущаться. Звуки отдалились, как будто между ними и девочкой опустили толстое стекло.

А потом всё исчезло.

Пространство, в котором она очутилась, не имело названия на человеческом языке. Оно было бескрайним и чёрным, но не той чернотой, что приходит с закрытыми глазами. Эта чернота светилась. Под ногами раскинулось море, состо-

ящее не из воды, а из звёздной пыли. Зёрна света медленно текли в русле невидимой реки, и каждая искра была крохотной вселенной, рождающейся и умирающей за один удар сердца. Над головой небо отсутствовало… только бесконечная глубина, в которой плавали осколки замёрзшего времени.

Девочка не испугалась. Она была слишком мала, чтобы понимать, что происходящее неправильно. Слишком истощена, чтобы бояться. И слишком любопытна, которое было заложено в ней от рождения, как главная шестерёнка в отцовских часах, чтобы просто смотреть.

— Тут холодно, - произнесла она вслух, и её голос прозвучал странно: не как звук, а как рябь на поверхности тихого пруда.

Никто не ответил, но тишина изменилась.

Из темноты, которая была гуще остальной, соткалась фигура. Высокая, плечистая, сотканная не из плоти, а из самой Пустоты. Тени льнули к нему, как испуганные дети к матери, и в глубине его очертаний мерцали две точки: ледяной голубой и тёмное серебро.

Девочка смотрела на эти точки, и где-то в самой сердцевине её существа что-то щёлкнуло - так щёлкает ключ в замке, который ждал своего часа.

— Ты кто? - спросила она.

Фигура не ответила, но приблизилась бесшумно, как тень скользит по стене в сумерках. Девочка не отступила. Ей

некуда было отступать, да и незачем. Страха не было, только любопытство и странное, глубинное чувство узнавания. Так бывает, когда видишь человека, которого никогда не встречал, но знаешь: он уже был в твоей жизни, возможно во снах.

— Ты пришёл меня забрать?

Силуэт наклонился. Теперь она видела очертания лица - резкие, брутальные, с тяжёлой челюстью и носом с горбинкой. И движущиеся линии на коже, пульсирующие серебром.

Он протянул бледную руку и коснулся её лба.

Холод был таким сильным, что девочка должна была закричать. Но крик не пришёл. Вместо него по телу разлилось странное, парадоксальное тепло как будто лёд, прикоснувшись к коже, стал частью её самой. Искра. Маленькая, незаметная, но настоящая. Она поселилась где-то глубоко внутри, в том месте, которое девочка не умела назвать словами, и затихла.

— Ты вернёшься, - произнёс голос.

Он не был похож на человеческий, скорее на низкую ноту органа, которую слышишь не ушами, а костями.

— Когда?

— Когда назовёшь моё имя.

— Я не знаю твоего имени.

— Узнаешь.

Тени сомкнулись. Звёздная река под ногами вспыхнула и погасла. И девочка полетела обратно - сквозь слои темноты, сквозь завесу, отделявшую Пустоту от мира живых, прямо в

собственное тело, которое показалось ей тесным и горячим.

Она открыла глаза.

Над ней склонился отец. Его лицо было мокрым от слёз. Сальные свечи оплывали на тумбе у кровати. Дождь всё так же стучал по крыше. Мир был прежним, но Алисия знала: что-то изменилось, что-то важное. То, что она пока не могла описать.

— Папа, - прошептала она, и голос, вернувшийся в горло, прозвучал хрипло, но уверенно. - Там был человек. Он сказал... я вернусь.

Отец прижал её к груди и заплакал… на этот раз от облегчения. А она смотрела на кружку с гравировкой «А.В.», стоявшую на тумбе, и думала о том, что холод, поселившийся внутри, не был неприятным. Он был... правильным.

С тех пор она перестала бояться.

Страх исчез, как будто кто-то вынул его из неё, оставив на его месте чистый лист. А на этом листе уже проступала невидимая спираль.

*Двадцать лет спустя она войдёт в храм Забытых, произнесёт имя, которое нельзя называть, и всё встанет на свои места.*

# Глава 1. Экспедиция во мрак

*Северный тракт, граница герцогства Вэйнвуд. За несколько часов до похищения.*

Утро третьего дня началось с крика.

Алисия Вэллс проснулась за мгновение до того, как полог палатки отдёрнулся и внутрь заглянуло перепуганное лицо Томаса.

— Госпожа Вэллс! Там... это... лошадь...

— Что лошадь? - она села, протирая глаза, и попыталась вспомнить, сколько часов назад легла. Кажется, четыре. Или три.

— Лошадь профессора опять сбежала.

— И причем тут я? - Алисия нащупала сапоги. - Ты разбудил меня, потому что лошадь Грейвза решила, что экспедиция ей надоела?

— Она... она в руины пошла.

Вот теперь Алисия проснулась окончательно.

— В руины? Сама?

— Я ж и говорю, не к добру это, - Томас нервно оглянулся через плечо. - Лошади в проклятые места не ходят, они ж чувствуют.

— Лошади чувствуют голод и страх хозяина, - она накинула плащ и вышла из палатки в сырой утренний холод. -

Который из этих пунктов относится к профессору, мы выясним.

Лагерь уже проснулся. У костра суетился Джейкоб, пытаясь разжечь огонь из отсыревших за ночь веток. Третий носильщик, угрюмый мужчина по имени Келлан, седлал свою лошадь, делая вид, что не замечает общей суматохи. И только у края леса, там, где тропа уходила к чёрным провалам храма, стоял профессор Орлан Грейвз: в халате поверх дорожного костюма, с тростью в одной руке и огрызком яблока в другой. Он смотрел в сторону руин с выражением человека, который потерял не просто лошадь, а смысл жизни.

— Она ушла, - сказал он, не оборачиваясь, когда Алисия подошла. - Просто взяла и ушла. Я ей яблоко, а она фыркнула и потрусила к храму.

— Может, ей тоже интересно. Вы профессор, воспитали академически любопытную лошадь.

— Не смешно, Алисия. Там внутри лабиринт. Если она забредёт в восточное крыло...

— Я как раз собиралась в восточное крыло. Найду вашу беглянку заодно.

Грейвз наконец повернулся к ней. Утренний свет выхватил его лицо - морщинистое, с глубокими складками у рта, но с глазами, которые даже в семьдесят лет сохранили живость и цепкость.

— Ты спала вообще?

— Сон переоценён, - она пожала плечами. - К тому же, если верить Томасу, лошади в руинах - это дурной знак. Надо проверить, не разверзлись ли там врата Бездны.

— Твоё чувство юмора, - вздохнул Грейвз, - однажды доведёт тебя до беды.

— Вы это говорите каждую экспедицию.

— Когда-нибудь я окажусь прав.

***

Они вернулись к костру. Джейкоб наконец разжёг огонь, и теперь над поляной плыл запах дыма и варёной крупы. Алисия взяла свою кружку и села на перевёрнутое бревно, служившее лавкой.

— Я сегодня иду в восточное крыло, - сказала она громко. - Кому интересно, присоединяйтесь. Кому неинтересно, оставайтесь в лагере и молитесь вашим богам.

— Моя бабка говорила, что в храме Забытых молились не богам, - подал голос Келлан, впервые за утро. - А тому, что было до богов.

Все замолчали. Костер потрескивал. Грейвз медленно снял очки и принялся протирать их краем халата.

— Келлан прав, - сказал он наконец. - Культ Пустоты - это не религия в привычном смысле. Они не поклонялись. Они... договаривались. С тем, что существует за гранью миров. Архивариус Бездны, Хозяин Теней, Тот Кто Смотрит Сквозь - у него много имён. И все они, если верить текстам, настоящие.

— Архивариус Бездны, - повторила Алисия, пробуя слова на вкус. - Красиво звучит, как библиотекарь в очень плохом настроении.

— Алисия!

— Что? Я серьёзно. «Архивариус» - это тот, кто хранит записи. Что он хранит? Страхи? Воспоминания? Счета за коммунальные услуги?

Грейвз посмотрел на неё долгим взглядом. Он знал этот тон: она не шутила, она прощупывала реальность словами, как слепец прощупывает тростью дорогу. Так она справлялась с неизвестностью.

— Он хранит последние мгновения, - сказал профессор тихо. - Моменты смерти. Говорят, его замок полон хрустальных шаров, и в каждом чей-то последний крик.

— Говорят, - эхом отозвалась Алисия. - А что говорят о том, почему он это делает?

— Никто не знает. Никто не возвращался из его замка, чтобы спросить.

Она кивнула, сделала глоток чая и записала что-то в дневник, который всегда лежал у неё на коленях.

— Значит, будем первыми, - сказала она, не поднимая глаз.

***

К полудню они вышли к руинам.

Храм Забытых стоял на границе леса. Там, где зелёное

сменялось серым, а деревья уступали место камню. Когда-то это было величественное здание: три яруса, колоннада, сводчатые потолки, расписанные звёздами, которых не существовало ни в одном известном небе. Теперь от храма осталась только половина: восточное крыло обрушилось, западное держалось чудом, а центральный зал зиял провалом, в который страшно было заглядывать даже днём.

Алисия стояла перед входом и смотрела на символ, вырезанный над аркой: спираль, уходящая в точку.

— Символ Пустоты, - сказала она. - Они верили, что мир начался с центра и туда же вернётся.

— Оптимистично, - буркнул Джейкоб, поправляя лямку рюкзака.

— Реалистично, - поправила Алисия. - Всё когда-нибудь заканчивается. Вопрос в том, что мы сделаем между началом и концом.

Она первой шагнула под арку.

Внутри было холодно. Не так, как снаружи, где ветер пробирал до костей, а иначе. Этот холод шёл не от воздуха, а от камня, от стен, от самого пространства, которое здесь казалось плотнее, тяжелее, словно время в руинах текло медленнее.

Факелы зажглись с трудом. Пламя не хотело гореть - оно съёживалось, прижималось к факелу, как испуганное животное.

— Тени здесь гуще, чем должны быть, - заметила Алисия,

разглядывая углы. - Видите? Свет падает под прямым углом, а тень уходит влево. Это неправильно.

— Может, не будем обращать на тени внимание? - предложил Томас дрожащим голосом.

— Напротив. Именно на тени и нужно обращать внимание. Они рассказывают больше, чем свет.

Она провела ладонью по стене. Под слоем пыли проступали символы - те самые, Древнее Наречие, которое она изучала десять лет. Язык, на котором говорила Пустота.

— Профессор, - позвала она. - Взгляните.

Грейвз подошёл, близоруко щурясь на стену. Его пальцы пробежали по символам, повторяя контуры.

— Это гимн, - сказал он после паузы. - Обращение к тому, кто «слышит тишину». Они просили его услышать их страх и забрать его.

— Забрать страх?

— Да. Они верили, что страх - это плата. Что Архивариус Бездны питается не душами, а именно страхом. И если отдать ему свой ужас добровольно, он оставит тебя в покое.

— Значит, это был не культ поклонения, - медленно сказала Алисия. - Это был культ... страхоплатежа.

— В некотором роде.

Она снова посмотрела на стену. Символы пульсировали в свете факела, и ей на мгновение показалось, что они двигаются.

— Я хочу увидеть алтарь, - сказала она. - Где-то здесь

должно быть сердце храма. Место, куда приносили страх.

— Алисия, - Грейвз взял её за локоть. - Будь осторожна. Мы не знаем, что здесь происходит после заката.

— После заката мы уже уйдём, а пока у нас есть три часа светлого времени. Я не потрачу их на осторожность.

Она высвободила руку и двинулась вглубь коридора.

***

Восточное крыло встретило её тишиной.

Не обычной тишиной заброшенных мест, здесь молчало всё. Шаги не отдавались эхом, дыхание не звучало. Даже собственное сердцебиение казалось приглушённым, словно кто-то накрыл уши ладонями.

Алисия шла медленно, считая повороты. Третий коридор, левая развилка, пролом в стене. Она запоминала дорогу машинально, как привыкла за годы экспедиций. Полевой дневник в одной руке, факел в другой. Только тени провожали её, сгущаясь за спиной.

А потом коридор кончился, сменившись на круглую комнату без окон. Потолок здесь обрушился частично и через провал виднелось серое небо. Свет падал косым столбом прямо в центр помещения, где на невысоком постаменте стоял алтарь.

Он был целым.

Алисия замерла. За семь лет раскопок она видела десятки алтарей - разбитых, осквернённых, расколотых временем и

людьми. Но этот выглядел так, будто его создали вчера. Чёрный камень, гладкий как стекло. Ни пыли, ни трещин, ни следа времени. Только спираль - та же, что над аркой, вырезанная с хирургической точностью.

И слово в центре спирали.

Она подошла ближе. Сердце стучало ровно, дыхание оставалось спокойным. Страха не было - только любопытство, острое, почти болезненное, как голод.

— Вал'Тирион, - прочитала она вслух, и её голос прозвучал в мёртвой тишине неожиданно громко.

Символы вспыхнули.

Тьма потекла по желобкам спирали, как вода по руслу, заполняя вырезанные линии. Алтарь задрожал и Алисия почувствовала, как пол уходит из-под ног.

— Что за...

Тени в комнате пришли в движение. Они отслаивались от стен, от пола, от обломков потолка, и стекались к алтарю, к спирали, к слову. Они не нападали - они текли, как река, и в центре этой реки стояла она.

Алисия не закричала.

Она смотрела. И где-то глубоко внутри, в том месте, которое она всегда считала мёртвым после детской болезни, что-то шевельнулось.

Холод. Такой же, как двадцать лет назад тогда, когда она умирала и видела перед собой чёрную бесконечность.

— Ты, - прошептала она, не зная, к кому обращается.

Тени сомкнулись.
И мир погас.

# Глава 2. Грань тьмы

*Руины храма Забытых. Лагерь экспедиции. Тот же день, ближе к закату.*

Первым, кто понял: что-то пошло не так, был Келлан.

Он сидел у костра, вырезая ложку из старой ветки и не смотрел по сторонам. Но он слушал. За годы работы с экспедициями Келлан привык доверять не глазам, а ушам. Глаза могли обмануть - уши редко.

И сейчас уши говорили ему, что лес замолчал.

Не просто затих - замолчал. Птицы, которые минуту назад пересвистывались в кронах, смолкли разом, как по команде. Ветер, шелестевший в палой листве, улёгся. Даже стрекот кузнечиков, этот вечный летний звук, оборвался.

Он отложил нож и поднял голову.

— Джейкоб.

Джейкоб возился у палаток, поправляя растяжки, которые ослабли за день. Он обернулся на голос Келлана и сразу понял: что-то не так.

— Что?

— Слушай.

Джейкоб замер. Несколько секунд он не слышал ничего, кроме собственного дыхания. А потом услышал тишину.

— Птицы... - начал он.

— Вот именно.

Они переглянулись. Обоим случалось бывать в проклятых местах: на старых полях битв, в руинах, где когда-то проводили запретные ритуалы. И везде первым признаком беды была эта тишина. Не отсутствие звука, а присутствие безмолвия, как будто что-то невидимое накрыло мир ладонью.

— Госпожа Вэллс, - сказал Джейкоб. - Она ещё в храме?

— Уже три часа.

— Три часа назад она обещала вернуться через час.

Они посмотрели на руины. Чёрный провал входа смотрел на них, как глазница. И оттуда, из глубины, тянуло могильным холодом.

— Буди профессора, - сказал Келлан.

***

Орлан Грейвз не спал. Он лежал в палатке, закинув руки за голову, и смотрел в брезентовый потолок, по которому скользили тени ветвей. Сон не шёл. С тех пор как Алисия рассказала об алтаре, в его груди поселилось смутное беспокойство.

Он знал это чувство. Оно приходило к нему трижды в жизни. Первый раз - когда он, ещё молодым ассистентом, присутствовал при вскрытии гробницы в Даркхолде. Тогда погибло четверо. Второй раз - когда его коллега, профессор Марлоу, решил перевести текст, который Церковь объявила запретным. Марлоу нашёл перевод. А через месяц нашёл способ выброситься из окна.

Третий раз - сейчас.

— Профессор!

Грейвз сел. Полог палатки отдёрнулся, и внутрь заглянул Джейкоб. Его лицо -обычно спокойное, даже флегматичное было напряжённым.

— Беда, - сказал он коротко.

Грейвз натянул очки и выбрался наружу, не задавая лишних вопросов.

Лагерь изменился. Костер горел так же, палатки стояли так же, но что-то неуловимо сдвинулось. Воздух стал тяжелее, небо над руинами потемнело, хотя до заката оставалось ещё часа два.

— Где Алисия?

— Не вернулась, - ответил Келлан. - И лес молчит.

Грейвз посмотрел на лес. Потом на руины. Потом на Томаса, который сидел на бревне и трясущимися руками пытался завязать шнурок, и не мог.

— Она произнесла имя, - сказал профессор.

— Откуда вы...

— Я знаю. - Грейвз смотрел на храм, и его лицо серело на глазах. - Она нашла алтарь и произнесла имя. Она хотела понять, как оно переводится. А его не нужно переводить, его нужно молчать.

— Что значит «его нужно молчать»?- спросил Джейкоб.

— Это значит, - Грейвз повернулся к нему, и в его глазах стоял страх, который нельзя спутать ни с чем, - что имя Ар-

хивариуса Бездны - это приглашение, ты произносишь его и он тебя слышит. Ты понимаешь его смысл и он тебя видит. А если ты произносишь его с правильной интонацией...

Он осёкся. Потому что земля вздрогнула.

Это был не толчок, скорее вибрация, как будто где-то далеко ударили в огромный барабан. Она прошла сквозь почву, сквозь подошвы сапог, сквозь кости, и каждый почувствовал её где-то глубоко в груди.

Лошади взбесились.

Гнедая кобыла Грейвза встала на дыбы с таким визгом, какого никто из них никогда не слышал от лошади. Она рванула привязь, верёвка лопнула с сухим треском и понеслась в лес, ломая кусты, не разбирая дороги. Второй конь, серый мерин Джейкоба, заметался на месте, закатывая глаза. Келлан едва успел перехватить его под узды, и то лишь потому, что страх сделал его быстрее, а не медленнее.

— Держи! - заорал он, вцепившись в поводья. - Джейкоб, помоги!

— Томас! - крикнул Грейвз. - Не беги!

Но Томас уже бежал в лес, куда унеслась кобыла. Его спина мелькнула между стволами и пропала.

— Плевать, - бросил Келлан. - Далеко не уйдёт. Что с госпожой Вэллс?

Грейвз снова посмотрел на храм.

Из чёрного провала входа выползали тени.

Это были не те тени, что отбрасывают предметы на солн-

це. Эти двигались против света навстречу закатным лучам, поперёк законов природы. Они стекались к арке со всех сторон: из-под камней, из щелей в стенах, из трещин в земле.

— Святые угодники, - прошептал Джейкоб.

А потом из руин ударил гул.

Он прокатился по поляне, пригибая траву к земле, и ушёл в лес, где эхом заметался между стволов. У Грейвза заложило уши. У Джейкоба подкосились ноги, и он упал на одно колено. Даже Келлан, самый крепкий из всех, пошатнулся и выпустил поводья, но мерин уже не рвался, он застыл как вкопанный, дрожа всем телом.

Гул нарастал. Теперь он походил не на барабан, а на голос идущий не из глотки, а из самой толщи мироздания. Камни на краю поляны задрожали и поползли. Одна из палаток просела, и её брезент захлопал, как парус в бурю.

— Ложись! - заорал Келлан и толкнул Грейвза на землю.

Профессор упал, больно ударившись локтем, но даже не заметил этого. Он смотрел на руины, и то, что он видел, не укладывалось в его голове, хотя он изучал это тридцать лет.

Над храмом поднималась фигура.

Она была соткана не из плоти, а из чистой, абсолютной тьмы. Она росла, как столб чёрного пламени, и в ней угадывались очертания. Плечи? Крылья? Нет, плащ. Или всё же крылья? Огромные, перепончатые, сотканные из теней, которые жили отдельной жизнью. Фигура заслонила закат, и на поляну упала ночь.

А потом всё исчезло.

Гул оборвался. Тьма рассеялась. Солнце снова засияло над лесом, как будто ничего не случилось. Палатка осела окончательно, костер зашипел, и только облако пыли над руинами напоминало о том, что здесь что-то произошло.

Грейвз с трудом поднялся. Руки дрожали, колени подкашивались. Очки слетели при падении, и он близоруко щурясь, шарил руками в траве, пока Джейкоб не подал их ему.

— Что... что это было? - спросил Джейкоб.

— Он, - ответил Грейвз. - Архивариус Бездны… она произнесла его имя, и он пришёл.

— Пришёл? - переспросил Келлан. - Куда пришёл?

— За ней.

***

Алисия не видела фигуры над храмом. Она вообще мало что видела.

С того момента, как тьма сомкнулась вокруг неё в круглой комнате, мир превратился в череду бессвязных ощущений. Падение, хотя падать было некуда. Холод, хотя он шёл не снаружи, а изнутри. И шёпот… бессловесный, но понятный, как музыка, которую слышишь во сне и забываешь при пробуждении.

Тьма несла её. Она не была враждебной, скорее равнодушной, как стихия. Алисия чувствовала, как её тело (или то, что от него осталось) скользит сквозь слои реальности. Она

видела обрывки миров: ледяную пустыню без звёзд, чёрное море, которое дышало, город с башнями из кости, и всё это проносилось мимо так быстро, что она не успевала ничего разглядеть.

Она попыталась заговорить, но голоса не было. Попыталась пошевелиться - тело не слушалось, но разум оставался ясным, и где-то в самой глубине его, в том месте, которое молчало с детства, она чувствовала странное спокойствие.

*«Ты уже был здесь*, - подумала она, сама не зная, к кому обращается. - *Ты уже нёс меня так двадцать лет назад.»*

Тьма не ответила, но движение изменилось - стало плавнее, медленнее. Алисия почувствовала, что падение замедляется, и пространство вокруг обретает форму.

Она падала в зал.

***

В чувство её привела боль.

Тупая, ноющая… она разлилась по всему телу, как будто Алисию избили невидимые руки. Она застонала и попыталась повернуться на бок. Камень под ней был ледяным.

— Жива, - прошептала одними губами. - Уже неплохо.

Открыть глаза оказалось труднее, чем она ожидала. Веки налились свинцом, и каждый миллиметр подъёма давался с усилием. Но она справилась и наконец увидела то, что находилось над ней.

Потолок.

Вернее, то, что заменяло потолок в этом месте. Он уходил вверх на невероятную высоту и терялся в темноте, которая была живой. По чёрному камню пробегали серебряные прожилки. Они ветвились, пересекались, складывались в узоры, которые были почти знакомы, почти понятны, но ускользали от осознания, как слова забытого языка.

Алисия заставила себя сесть.

Это было ошибкой. Голова закружилась, перед глазами поплыли чёрные пятна, и она едва не рухнула обратно, но всё же смогла упереться ладонями в холодный камень и переждать приступ.

Она находилась в зале. Нет - в Зале. Стены из чёрного обсидиана поднимались на высоту, которую не мог охватить взгляд. Пол под ней был прозрачным, и сквозь него она видела реку, но это была не вода. Светлая, серебристая субстанция текла в русле под стеклянным полом.

Звёздная пыль. Река из звёздной пыли.

— Потрясающе, - выдохнула Алисия.

Попытка встать не вышла удачной. Ноги держали плохо, но держали. Босая, в измятой дорожной рубашке и брюках, без плаща, она стояла в центре зала и смотрела, как по стенам пробегают серебряные искры.

Страха не было.

Было что-то другое… чувство, похожее на то, какое испытываешь, когда входишь в старую библиотеку и понимаешь, что здесь хранятся книги, которых никто не открывал сотни

лет. Любопытство. Жадное, почти болезненное.

— Итак, - сказала она вслух, и её голос отразился от стен тихим, уважительным эхом. - Я в Замке Бездны, меня похитило древнее зло. Я босая, продрогла и хочу пить.

Она обвела взглядом зал.

— И у меня нет дневника. Вот это действительно катастрофа.

А потом она услышала шаги.

Они были почти беззвучными, будто шёпот подошв по камню. Алисия повернулась на звук и увидела, как из темноты, от дальней стены зала, отделилась фигура.

Высокая. Плечистая. Чёрные волосы обрамляли бледное лицо с резкими, брутальными чертами - тяжёлая челюсть, нос с едва заметной горбинкой, высокие скулы. На открытом вороте чёрной рубашки виднелись татуировки - чёрные линии, которые двигались, перетекали и складывались в символы Древнего Наречия.

И глаза.

Левый - ледяной голубой, почти белый, как замёрзшее озеро. Правый - тёмное серебро. Оба смотрели прямо на неё, и в этих глазах было что-то, чего она не ожидала.

Интерес.

— Ты очнулась, - сказал он.

Голос был низким, тихим, и от него по позвоночнику Алисии пробежала волна мурашек. Он звучал как шёпот, который слышишь не ушами, а где-то глубже.

— А ты Архивариус Бездны, - ответила она. - Вал'Тирион. Я правильно произнесла?

Мужчина сделал ещё шаг. Теперь между ними было не больше трёх метров. Алисия видела, как татуировки на его шее вспыхнули серебром.

— Правильно, - сказал он. - Но никто не произносил моё имя так... осмысленно. Обычно они кричат.

— Я не «они», - сказала Алисия. - Я этнограф. И я, кажется, потеряла дневник. Ты не видел его? Кожаный, потрёпанный, с моими инициалами?

Он моргнул.

Древнее зло, коллекционирующее страхи, моргнуло от неожиданности.

— Ты потеряла сознание при переходе между мирами, - сказал он, - очнулась в замке, который не видел ни один смертный, стоишь перед существом, которого боится сама смерть, и спрашиваешь... о дневнике?

— В нём полевые заметки за три месяца, - сказала Алисия. - Там нечитанные надписи из храма Забытых.

Он молча смотрел на неё и татуировки на его предплечьях, выглядывающие из-под рукавов, замедлили движение.

— Ты действительно не боишься, - произнёс он наконец.

— Нет, - согласилась она. - Не боюсь.

— Почему?

Алисия задумалась. Не над ответом, он был известен, а над тем, как его сформулировать.

— Потому что я уже видела тебя, - сказала она. - Двадцать лет назад, когда умирала.

Татуировки на его шее вспыхнули так ярко, что на мгновение осветили его лицо снизу.

— Помню, - сказал он. - И ждал.

— Чего?

— Когда ты назовёшь моё имя.

Теперь была её очередь молчать.

— Я назвала, - сказала она. - Что теперь?

Он шагнул ближе. Между ними остался метр. Воздух стал холодным, и Алисия почувствовала запах озона, ледяной воды и древнего камня.

— Теперь, - сказал он, - ты узнаешь, что бывает с теми, кто приходит в Бездну добровольно.

И протянул ей руку.

Ладонь была бледной, с длинными пальцами. Алисия посмотрела на руку и подняла глаза на него.

— Я не пришла добровольно, - сказала она. - Меня притащили тени.

— Но ты не пыталась бежать.

Она не нашлась что ответить и помедлив лишь мгновение, вложила свою ладонь в его.

Холод был таким сильным, что перехватило дыхание, но она не отдёрнула руку.

— Вот и всё, - сказал Вал'Тирион. - Ты моя.

И где-то в глубине замка, за сотней стен и за рекой из

звёздной пыли… часы, которых никто не заводил три тысячи лет, начали отсчитывать время.

Что-то удерживало её - не магия, не сила, а странное, почти забытое чувство правильности происходящего.

— «Твоя», - повторила она, пробуя слово на вкус. - Ты, я смотрю, не привык к долгим переговорам.

Вал'Тирион не ответил.

— За мной, - произнёс он и, не выпуская её пальцев, двинулся вглубь зала.

Они шли сквозь вереницу коридоров, и Алисия пыталась запоминать дорогу, но быстро сбилась: замок не подчинялся привычной геометрии. Лестницы здесь заворачивались в спирали, которые уходили одновременно вверх и вниз; арки открывались в помещения, которых секунду назад не существовало. Тени расступались перед хозяином, а на гостью смотрели с любопытством, во всяком случае, ей так казалось.

Наконец они остановились у высокой двери, обитой серебряными пластинами.

— Это твоя комната, - сказал Вал'Тирион. - Здесь ты будешь спать.

— Спокойной ночи? - предположила Алисия.

— До рассвета, - поправил он и отпустил её ладонь.

Холод отступил не сразу, пальцы ещё несколько мгновений помнили его прикосновение.

— Мой дневник, - вспомнила она. - Он остался в храме,

если ты можешь как-то...

— Он здесь.

Архивариус Бездны кивнул в сторону двери, и Алисия, шагнув внутрь, увидела на тумбе у кровати не только дневник, но и свою кружку… ту самую, жестяную, с гравировкой «А.В.».

Она обернулась, чтобы задать вопрос, но коридор был пуст. Только тени у двери колыхнулись, складываясь в подобие поклона.

Сил на размышления не осталось. Переход между мирами выпил всё, что можно, и Алисия, добравшись до кровати, рухнула на покрывало, даже не сняв халата. Завтра. Все вопросы завтра.

Серебряные прожилки на потолке мерцали над ней, и в их свете было что-то успокаивающее. Она закрыла глаза и провалилась в глубокий сон, без сновидений. Первый настоящий сон за последние трое суток.

А тени у двери стояли на страже до самого утра.

***

В лагере, за гранью миров, Грейвз сидел у погасшего костра и смотрел на дневник в своих руках.

Он не плакал. Слёзы кончились.

— Что теперь? - спросил Джейкоб. Он стоял рядом, держа в руках факел, хотя было ещё светло.

— Теперь, - сказал Грейвз, - я возвращаюсь в Университет

и начинаю искать способ вернуть её.

— Из Бездны?

— Из Бездны.

Джейкоб помолчал.

— А если она не хочет возвращаться? Вы знаете ее, эта девушка самая странная из всех, кого я знаю.

Грейвз поднял на него глаза. В них кроме боли, было что-то похожее на горькую гордость.

— Тогда, - сказал он, - она станет первой, кто остался там по собственной воле… и это будет самая невероятная глава в её дневнике.

# Глава 2.1. Пепел и дневник

*Лагерь экспедиции. Час после похищения.*

Тишина, накрывшая поляну после исчезновения тьмы, была хуже грохота.

Грейвз сидел на поваленном бревне у погасшего костра и не мог заставить себя пошевелиться. Очки сползли на кончик носа, но он не поправлял их. Руки, сжимавшие кожаный дневник, дрожали мелкой, непрекращающейся дрожью от того, что он видел.

— Профессор, - позвал Джейкоб.

Грейвз не ответил.

— Профессор! - настойчивее повторил проводник, присаживаясь рядом. - Надо уходить. Томаса до сих пор нет. Келлан пошёл искать его в лесу, но если эта штука вернётся...

— Она не вернётся, - произнёс Грейвз глухо. - Она получила то, за чем пришла.

Джейкоб переглянулся с Келланом, который только что вышел из-за деревьев, ведя под уздцы перепуганного мерина. Томаса с ними не было, парень убежал в лес сразу после того, как тьма накрыла поляну и до сих пор не вернулся. Впрочем, следы нашлись быстро: сломанные ветки, примятая трава и один сапог, застрявший в корнях.

— Найдём, - коротко бросил Келлан. - Но сначала вы. Что это было, профессор? Вы сказали «он пришёл». Кто?

Старый учёный поднял глаза. В выцветшей голубизне стояла боль, какой Келлан не видел ни у одного человека, потерявшего товарища. Так смотрят те, кто потерял ребёнка.

— Архивариус Бездны, - произнёс Грейвз. - Тот, кого боится сама смерть.

— И он забрал госпожу Вэллс.

— Да.

— Но как вы узнали, что она произнесла имя? - спросил Джейкоб. - Вы же были здесь, в лагере. Она была в храме. Вы не могли слышать.

Грейвз медленно раскрыл дневник. Страницы, исписанные знакомым убористым почерком Алисии, захрустели под дрожащими пальцами.

— Она записала, - сказал он. - Вот здесь, посмотрите.

Джейкоб склонился над дневником. Келлан подошёл ближе. На раскрытой странице темнела запись Алисии Вэллс:

*«Найден алтарь Пустоты. Сохранность аномальная. Камень холоден. На сердцевине - слово на Древнем Наречии. Предположительно имя.»*

Грейвз хотел закрыть дневник, но страницы вдруг потеплели под пальцами. По корешку пробежала тонкая серебряная искра и на глазах у всех троих. Келлан отшатнулся. Джейкоб выругался. А профессор замер, чувствуя, как кожаный переплёт становится всё горячее, а затем резко холодеет.

Вспышка ослепила всех.

Когда зрение вернулось, дневник лежал на земле у ног

Грейвза, но он был другим. Точная копия первого, только страницы были не кремовыми, а тёмно-серыми, как будто сотканными из теней.

— Что за... - начал Джейкоб.

— Он забрал его, - прошептал Грейвз, поднимая копию. Пальцы дрожали, но голос звучал ровно. - Дневник Алисии теперь у него, а это...

Он раскрыл тёмную копию. Страницы были заполнены тем же убористым почерком Алисии… каждая запись, каждая пометка, каждый рисунок спирали. Всё до последней строчки.

— Это мне, - закончил профессор.

На полянеснова стало тихо. Ветер шелестел в кронах, но звук этот казался чужим, далёким, словно доносился из другого мира.

— Что теперь? - Джейкоб выпрямился. - Мы идём за ней?

— Куда? - горько усмехнулся Грейвз. - В Бездну? У нас нет ни оружия, ни магии, ни проводника. Мы даже не знаем, где находится его замок.

— Но вы сказали в Бездне.

— Бездна не место, Джейкоб. Это слой реальности. Она везде и нигде. Войти туда может только тот, кого позвали. Или тот, кто знает дорогу. У меня нет ни приглашения, ни карты.

Он закрыл дневник и прижал его к груди.

— Но есть тот, кто знает. В Университете, в Архиве За-

претных Текстов, хранятся хроники культов Пустоты. Я изучал их тридцать лет и боялся переступить порог закрытой секции. Теперь переступлю.

— Вы вернётесь в Университет? - уточнил Келлан.

— Да. И начну искать способ вернуть её. Если не я, то кто?

Ответа не последовало. Джейкоб молча поднял с земли уцелевший рюкзак. Келлан проверил подпругу на мерине. Оба понимали: профессор сейчас говорит не с ними, а с собой. С тем собой, который винил себя за то, что не удержал ученицу, не запретил идти в восточное крыло.

— Мы с вами до тракта, - сказал Джейкоб. - Дальше сами, но если что... - он помедлил, - если найдёте способ, дайте знать. Госпожа Вэллс была... странная, но хорошая. Таких как она, мало.

— Я дам знать, - пообещал Грейвз.

***

Через час они нашли Томаса. Парень сидел у ручья, босой на одну ногу, и бессмысленно глядел в воду. Когда Келлан тронул его за плечо, тот вздрогнул, но не закричал, кажется, исчерпал весь страх до дна.

— Она говорила, - прошептал он, - что в руинах интересно, что там история. А там была... не история. Там был конец. Я видел, как тени пили свет. Они пили его, понимаете? Как воду.

— Понимаю, - сказал Келлан. - Вставай, парень. Нам в

город.

— А госпожа Вэллс?

— Её забрали, - ответил Джейкоб. - Но профессор говорит, что она жива.

— Откуда он знает?

— Он не знает, он верит.

Томас поднялся на дрожащих ногах и, прихрамывая, побрёл за остальными. У поворота тропы он обернулся на руины, чёрный провал которых всё ещё виднелся сквозь деревья, и тихо, одними губами, произнёс:

— Возвращайтесь, госпожа Вэллс. Пожалуйста.

Руины не ответили.

# Глава 3. Хранительница замка

*Замок Бездны. Первое утро.*

Сознание возвращалось рывками.

Алисия открыла глаза.

Над головой раскинулся чёрный потолок, такой высокий, что его верх тонул во мраке. По гладкому камню пробегали серебряные прожилки и света они давали ровно столько, чтобы глаз различал очертания предметов, но не их детали. В этом полумраке комната казалась сотканной из теней и мерцания.

Гостья замка села, подтянув колени к груди. Голова отозвалась глухой болью, но тело больше не казалось чужим. Длинный халат скользнул по плечам. Ткань переливалась в серебряном свечении, идущем от потолка, и на ощупь напоминала воду: такая же гладкая, такая же прохладная.

— Интересный выбор гардероба для пленницы, - пробормотала Алисия, проводя ладонью по рукаву. - Хотя, полагаю, слово «пленница» здесь не совсем уместно.

Она спустила ноги на пол. Ковёр принял босые ступни мягко, почти ласково, и по телу разлилось тепло, словно сама материя замка пыталась ей угодить.

Комната, насколько позволял видеть полумрак, была обставлена скупо, но с вниманием к деталям. У стены высился письменный стол чёрного дерева с серебряными линиями,

которые складывались в нечитанные символы. На столешнице лежала стопка бумаги и перо с металлическим наконечником. Чернильница рядом была наполнена жидкостью, напоминавшей разведённую тень: она мерцала и едва заметно двигалась, словно жила собственной жизнью.

Рядом со столом стояло высокое кресло с подлокотниками, обитое тёмно-серым бархатом.

У противоположной стены обнаружилось зеркало в полный рост, в раме из тёмного металла, по которой вились символы Древнего Наречия. Алисия подошла ближе и всмотрелась в отражение.

Из глубины стекла на неё смотрела девушка, которую она знала, и с трудом узнавала.

Чёрные волосы, обычно собранные в тугой узел на затылке, теперь свободно лежали на плечах. Цвета воронова крыла, того самого, что отливает синевой на солнце. В Университете за эти волосы её называли ведьмой*: «Вэллс, у тебя вид такой, будто ты только что из шабаша».* Она никогда не обижалась. В конце концов, ведьмы знали то, чего не знали другие.

Черты лица острые, высокие скулы, прямой нос, чёткая линия челюсти. Над левой бровью темнела родинка - крохотная точка, придававшая лицу вечное выражение лёгкого скептицизма. Губы чуть бледнее обычного, но всё ещё сохранявшие форму лука. Глаза - тёмно-карие, почти чёрные, и в глубине их, если приглядеться, можно было заметить ян-

тарные искры.

Фигура стройная, но не худощавая: годы полевой работы вылепили подтянутое, жилистое тело, привыкшее к долгим переходам и ночёвкам на камнях. Ростом она была невысока, чуть выше плеча Архивариуса, что в его присутствии заставляло чувствовать себя хрупкой, хотя на деле эта хрупкость была обманчивой.

Сейчас, в шёлковом халате, босая и непривычно бледная, она казалась себе другой - словно замок уже начал менять её. Или не замок. Что-то иное. То, что спало внутри двадцать лет и теперь медленно пробуждалось.

— Прекрасно, - произнесла Алисия, обращаясь к отражению. - Ещё немного, и я начну светиться в темноте.

Зеркало не ответило, но тени в углах комнаты шевельнулись, то ли от движения воздуха, то ли от её слов.

Взгляд скользнул дальше, к тумбе у кровати, и там остановился.

Кружка. Жестяная, помятая, с гравировкой «А.В.»… теми самыми буквами, которые отец выбил собственноручно, когда Алисии исполнилось пять. Подарок на день рождения, который она таскала за собой во все экспедиции. Кружка стояла на тумбе как ни в чём не бывало, словно её принесли сюда из лагеря вместе с вещами.

Рука сама потянулась к знакомой вмятине на боку, что осталась после падения на камни в Даркхолде. Пальцы коснулись холодного металла, и в горле что-то сжалось.

— Как ты здесь оказалась? - прошептала Алисия.

***

Дверь нашлась не сразу.

Комната поначалу казалась герметичной, никаких видимых проёмов, кроме задрапированных тенями стен. Но, обходя помещение вдоль, гостья заметила, что в одном месте тени расходятся, образуя арку, за которой угадывался коридор. Она шагнула туда и тени расступились, как театральный занавес.

— Благодарю, - пробормотала Алисия и переступила порог.

Пол под босыми ступнями холодил, но не обжигал. Она шла медленно, считая шаги и запоминая повороты. Профессиональная привычка: на новом месте всегда составлять карту, даже если это место - замок древнего зла.

Развилка застала врасплох. Три коридора расходились веером: один уводил круто вниз, второй - вверх по спирали, третий продолжался прямо. Все три выглядели одинаково: чёрный камень, серебряные прожилки, тени в углах.

— И куда же мне? - спросила Алисия, обращаясь к пустоте.

Пустота молчала, но в левом проходе что-то мелькнуло - движение, слишком быстрое для человеческого глаза, и следом донёсся звук, похожий на шёпот.

— Налево так налево, - кивнула она и двинулась в указан-

ном направлении.

Коридор привёл в зал.

Высокие колонны из чёрного камня подпирали свод, теряющийся в темноте. Между колоннами висели гобелены - не тканые полотна, а живые картины: на них двигались сцены, которые Алисия не могла разобрать с первого взгляда. Войско в сияющих доспехах. Тёмные фигуры с крыльями.

Гостья шагнула ближе к одному из гобеленов, и пальцы сами потянулись к движущемуся полотну. Сцена изображала битву у врат какого-то города: светлые рыцари на белых конях и тени, которые поглощали их одного за другим. Тени не убивали - они обнимали, обволакивали, и рыцари исчезали в них, как в воде.

— Исторические хроники? - прошептала Алисия. - Или предупреждения?

— Память, - раздался голос за спиной.

У одной из колонн, в тени, которую она не заметила сразу, стояла женщина. Высокая, стройная, в сером платье с высоким воротом, подпирающим подбородок. Волосы - серебряные, блестящие, как лунный свет на инее, были собраны в строгий узел на затылке и заколоты шпилькой. Кожа отливала голубоватой бледностью, так выглядят покойники, пролежавшие ночь на морозе. Но самым странным были глаза: без зрачков, без радужки, сплошной белёсый туман, в котором не читалось ни тепла, ни враждебности, ни вообще чего-либо человеческого.

Фигура стояла абсолютно неподвижно. Даже платье не колыхалось, хотя Алисия чувствовала движение воздуха, где-то в замке гулял сквозняк.

— Память о чём? - спросила она, опуская руку.

— Обо всём, - голос был таким же бесцветным, как глаза. - О том, что было. О том, что будет. О том, чего не случилось, но могло случиться. Гобелены хранят все развилки времени.

— Все развилки? - Алисия обернулась к ближайшему гобелену. Теперь она видела то, чего не замечала раньше: сцены на полотне менялись, перетекали одна в другую. Вот падает башня, но в следующее мгновение она уже стоит. Вот умирает воин, и тут же поднимается живым. – Это хроники альтернативных исходов?

— Это память Пустоты, - женщина склонила голову набок. Движение было плавным, нечеловечески точным, как у механической куклы. - Пустота помнит всё, что могло произойти.

— Потрясающе, - выдохнула гостья. - Абсолютно потрясающе.

Она заставила себя отвести взгляд от гобеленов и повернуться к незнакомке.

— Ты Найя.

— Тебе известно моё имя.

Алисия кивнула на одну из колонн у входа, где в полумраке, но всё же различимо, были вырезаны старые руны.

— Прочла на камне. Я специалист по древним языкам.

— Этой надписи больше трёх тысяч лет, её почти не видно.

— Значит, я хорошо смотрю, - Алисия пожала плечами. - К тому же в университете мы изучали подобные наречия. Имя начертано в родительном падеже, я просто поставила его в именительный.

— Ты не просто смертная.

— Я этнограф, - пожала плечами Алисия. - Мы умеем задавать правильные вопросы.

Несколько ударов сердца хранительница замка молчала, разглядывая гостью. В этом взгляде не читалась холодная, отстранённая оценка. Так смотрят на незнакомый предмет, гадая, пригодится он или пойдёт в утиль.

— Что ты ищешь? - спросила Найя наконец.

— В данный момент почти всё, - Алисия обвела рукой зал. - И главное, где мой дневник? Кожаный, потрёпанный, с инициалами.

— Твой дневник у Хозяина, - в ровном голосе прорезалась странная нота… не то удивление, не то недоверие. - Он читал его.

— Читал?!

Впервые за утро Алисия повысила голос. Эхо заметалось между колонн, и тени на гобеленах вздрогнули.

— Это мои личные записи, - продолжала она, сдерживая возмущение. - Там наблюдения, гипотезы, три месяца полевых заметок и... - голос осёкся. - И заметки о нём.

— Да, - подтвердила Найя. - Хозяин отметил это.

— Что значит - «отметил»?

— Оставил комментарии на полях.

Мир замер. Гостья стояла посреди зала с живыми гобеленами и пыталась переварить услышанное. Архивариус Бездны оставлял комментарии на полях её дневника? Как профессор, проверяющий студенческую работу?

— Я хочу его видеть, - сказала она наконец. – Дневник, не Хозяина. Вернее, Хозяина тоже, но сначала дневник.

— Хозяин приглашает тебя к завтраку, - произнесла Найя, и на этот раз интонация была совершенно определённой.

— Завтрак? В Замке Бездны? - Алисия вскинула бровь. - Тут вообще существует еда?

— До тебя нет.

— А теперь?

Пауза затянулась. Найя смотрела на гостью долгим, непроницаемым взглядом.

— Теперь появилась кухня.

Развернувшись плавно и бесшумно, хранительница двинулась вглубь зала. Алисия поспешила следом, босые ступни ступали по ледяному камню, а мысли неслись вскачь. Кухня. В замке, которому три тысячи лет, которой вчера ещё не было. Созданная за одну ночь, ради единственной смертной, имевшей наглость не испугаться.

— Подожди, - окликнула она, догоняя провожатую. - Он создал кухню? Специально?

— Хозяин не объясняет свои решения.

— Но ведь он не ел…сколько ему? Три тысячи?

— Три тысячи сто сорок два года, - поправила Найя, не оборачиваясь.

— И теперь решил, что ему нужно помещение для готовки? Только потому, что я здесь?

Хранительница остановилась так резко, что Алисия едва не налетела на неё. Разворот был медленным, выверенным, каждое движение отдавало холодной, сдерживаемой яростью.

— Хозяин, - произнесла Найя, и её голос, прежде лишённый эмоций, теперь звенел, - не менялся три тысячелетия. Ни ради кого. Ни ради Богов. Ни ради демонов, предлагавших союзы. Ни ради тех, кто ползал у его ног и умолял о смерти. А теперь... - она перевела дыхание, и голос снова стал ровным, - теперь он создаёт кухню для смертной, которая даже не боится.

— Я не виновата, что не боюсь, - тихо сказала Алисия.

— Именно это меня и тревожит.

Больше Найя не произнесла ни слова до самого конца пути.

***

Кухня оказалась небольшим помещением, примыкавшим к главному залу. Стены здесь были светлее, чем в остальном замке: не обсидиан, а что-то вроде серого мрамора. Очаг,

сложенный из чёрного камня, горел холодным серебряным пламенем и от него волнами расходился ровный, мягкий жар. На полках выстроились горшки и склянки. Воздух пахнул травами, дымом и чем-то ещё, едва уловимым.

В центре стоял простой деревянный стол, словно его вынесли из деревенского дома и поставили сюда, не потрудившись подогнать под мрачную эстетику замка. На столе лежала буханка хлеба с хрустящей коркой, стояла миска с маслом и чашка, над которой поднимался пар.

Хлеб оказался свежим и на вкус был самым обыкновенным. Человеческим. Она отломила кусок, положила сверху масло и почувствовала, как внутри разливается тепло. От самого факта, что здесь, в сердце Бездны, кто-то подумал о её голоде.

— Кто это готовил? - спросила Алисия, поднимая глаза на Найю.

— Замок.

— Замок умеет печь хлеб?

— Замок умеет всё, что прикажет Хозяин.

Гостья поднесла кружку к губам. Чай. Горячий, терпкий, с привкусом незнакомых трав, которые оставляли на языке лёгкое покалывание. Она узнала свою кружку, которая каким-то непостижимым образом оказалась на тумбе у кровати.

— Спроси у Хозяина про дневник, - донёсся от двери голос Найи. - И не задерживайся. Он не привык ждать.

— К этому ему тоже придётся привыкать, - отозвалась Алисия, отламывая ещё один кусок хлеба. - Я ем медленно.

Ответом была тишина, но краем глаза гостья заметила: уголок губ хранительницы дрогнул - то ли в усмешке, то ли в чём-то, чего она пока не могла понять.

# Глава 4. Хлоп

*Замок Бездны. Утро того же дня.*

Завтрак закончился, и вместе с последним глотком чая ушло ощущение тепла.

Алисия отодвинула пустую тарелку и поднялась из-за стола. Хлеб был съеден до крошки, чай допит. Теперь, в груди проснулось чувство, которое она не испытывала с детства. Растерянность, или же неуверенность человека, который оказался в чужом доме без приглашения, без карты и без малейшего представления о том, что будет дальше.

— Спасибо, - сказала гостья вслух, не зная, к кому обращается.

Очаг мигнул в ответ серебряным пламенем, и на мгновение показалось, что тени в углах кивнули. Тепло от пламени мягко коснулось щеки, почти ласково, и Алисия замерла, поражённая неожиданной мыслью. Замок слушал и реагировал на её присутствие. Это было настолько чуждо всему, что она знала о Бездне, что разум отказывался это принимать.

Но где-то глубже, в том самом месте, которое молчало двадцать лет, она чувствовала: происходящее правильно.

Дальше началась проблема.

Найя исчезла так же бесшумно, как появилась. Коридор за дверью кухни молчал, и выйдя в него, этнограф останови-

лась перед той самой развилкой, которую миновала утром. Все три выглядели совершенно одинаково, и все три не предлагали ни единой подсказки.

— Так, - пробормотала она. - В зал с гобеленами я попала через левый коридор. Но левый относительно чего?

Никто не ответил.

Первым порывом было позвать кого-нибудь. Но кого? Найя не отзывалась, тени молчали, а хозяин замка, судя по всему, не счёл нужным снабдить гостью провожатым. Это раздражало и одновременно вызывало смутное, неохотное уважение. Он не обращался с ней как с пленницей, которую нужно водить за руку. Как равную? Или как лабораторную мышь в лабиринте? Пока непонятно.

Она попыталась вспомнить дорогу, по которой её вела Найя. Поворот, ещё поворот, лестница, арка. Но замок, казалось, перестроился за время завтрака. Стены сдвинулись на пару дюймов, тени легли иначе, и серебряные прожилки на обсидиане складывались в узор, которого утром не было.

— Вы издеваетесь, - констатировала Алисия и решительно двинулась прямо.

Коридор вёл долго. Босые ступни уже начали мёрзнуть, и она в который раз пожалела, что не нашла в комнате обуви. Халат грел плечи, но не щиколотки. Каждый шаг отдавался в коленях холодом и в какой-то момент гостья поймала себя на том, что начинает злиться. Алисия Вэллс, лучший этнограф своего поколения, специалистка по Древнему Наречию, де-

вушка, которая в одиночку исследовала проклятые гробницы, сейчас бродила по коридору, как потерявшийся ребёнок, и не могла найти собственную комнату.

От этой мысли стало смешно. А затем грустно, потому что она действительно была одна. Впервые за долгое время по-настоящему одна. Без команды, без Грейвза, без привычного мира, который можно измерить, описать и занести в дневник.

Через некоторое время коридор привёл к знакомой арке. За ней обнаружился зал с колоннами и гобеленами. Живые полотна на стенах всё так же двигались, показывая сцены падений, битв и странных, неразборчивых исходов.

Алисия остановилась перед одним из гобеленов. Воин в сияющем доспехе падал в бездну, и его лицо было застывшим в каком-то странном, почти благоговейном приятии.

*«Интересно, что он чувствовал в этот миг? Страх? Или, может быть, облегчение?»*

— Ладно, - сказала Алисия, обращаясь к теням. -Замок, если ты меня слышишь, не мог бы ты показать дорогу к моей комнате? У меня желание посидеть в тишине.

Несколько мгновений ничего не происходило. Затем тени у подножия ближайшей колонны шевельнулись и вытянулись в тонкую линию, указывающую вправо.

— Благодарю.

***

Комната встретила знакомым полумраком и мягким теплом ковра.

Здесь ничего не изменилось и всё же что-то было иначе. Может быть, воздух стал чуть теплее, словно замок подстроил температуру под неё.

Она взяла дневник в руки, и знакомый вес кожаной обложки сразу вернул ощущение почвы под ногами. Он вернул его ей. Пальцы пробежали по корешку. Кожа была чуть тёплой, словно её только что держали у огня.

Она раскрыла последнюю страницу.

*«Найден алтарь Пустоты... Перевод будет выполнен после...»*

Ниже шла чужая запись:

*«Услышано»*.

А рядом, на полях, тем же почерком, но мельче, было приписано: *«Для смертной впечатляюще»*.

Первым чувством было возмущение. Он читал. Он правил. Он, чудовище из Бездны, оценивал её, как профессор оценивает студента! Но уже через секунду возмущение сменилось чем-то тёплым и почти весёлым. Он не просто прочитал. Это было... комплиментом? Или издёвкой? Она не могла решить, но уголки губ сами поползли вверх.

— Три тысячи лет, - произнесла Алисия, закрывая дневник, - а замашки как у университетского рецензента.

В этот момент что-то громко хлопнуло.

Звук раздался откуда-то из угла, звонкий словно пробка

вылетела из бутылки. Сердце подпрыгнуло к горлу, и тело среагировало быстрее разума: она вскочила, прижимая дневник к груди, как щит. В углу, где секунду назад была только тень, теперь кто-то стоял. Вернее подпрыгивал на месте, размахивая непропорционально длинными руками и издавал звуки, которые при всём желании нельзя было назвать речью.

— Хлоп-хлоп-хлоп! Ай-яй-яй, напугал? Не хотел, честно не хотел! Я всегда так появляюсь, это не я, это магия, ну немножко я, но в основном магия, хозяин говорит, что слишком громкий, а я что, я ничего...

— Стоп, - сказала Алисия, и голос от неожиданности дрогнул. Адреналин всё ещё гулял по крови, и ладони слегка вспотели.

Существо замерло на полуслове. Теперь, когда оно перестало метаться, гостья могла его разглядеть и разглядывание это наполняло её странным, почти детским любопытством.

Ростом пришелец едва доходил ей до пояса. Худой, угловатый, с непропорционально большими кистями и босыми ступнями, покрытыми серой кожей. Одет он был в некое подобие жилета, сшитого из кусков старых книжных переплётов - тиснёная кожа, обрывки золотого шрифта, и при виде этого наряда сердце этнографа пропустило удар. Книжные переплёты. В замке были книги. Настоящие, в переплётах и он носил их остатки на себе.

На голове у создания вместо волос шевелились вихры

тёмного дыма, и этот дым менял форму в зависимости от того, с какой скоростью существо говорило. А говорило оно, судя по всему, всегда быстро. Но самое примечательное скрывалось в лице: два круглых, светящихся жёлтых глаза без зрачков, нос-пуговка и рот, который, казалось, не закрывался никогда.

— Ты... - начала Алисия.

— Хлоп! - радостно сообщило существо. - Меня зовут Хлоп. Потому что я хлопаю, когда появляюсь. Это не я придумал, это тени придумали, они вообще много чего придумывают, но вслух не говорят, они ж без ртов, а я со ртом, вот мне и приходится...

— Хлоп, - повторила этнограф, и имя подошло идеально. Оно было звонким, лёгким, совершенно нестрашным. И от этого на душе стало спокойнее. Здесь, в замке, полном теней и ледяного величия, существовало создание, которое не умело пугать, а просто хлопало.

— Ты живёшь в замке? - спросила она, опускаясь в кресло. Дневник лежал на коленях и пальцы всё ещё сжимали его, но уже не так судорожно.

— Живу! Триста лет живу! Ну, почти триста. Двести девяносто восемь. Или триста два? Я не считал, а тени вообще редко говорят, они больше показывают. Я тут самый старый после хозяина и Найи! Ну, не самый старый, есть ещё Ксар'Тан, но он не живёт, он приходит, когда его не звали, и в прошлый раз хозяин его так выгнал, что у меня дым на

голове стоял дыбом целую неделю, вот так - р-раз!

Хлоп развёл руками, и дым на его голове действительно встал торчком, образовав подобие одуванчика. Алисия поймала себя на том, что улыбается, как не улыбалась уже много лет. Это было так неожиданно, так нелепо: сидеть в замке Бездны, в шёлковом халате и смотреть на бесёнка, который топорщил дым, как рассерженный воробей. Что-то внутри неё - то, что годами было сжато в тугой узел, начало медленно расслабляться.

— Ты бес, - сказала она скорее себе, чем ему.

— Бесёнок! - поправило создание с горячностью. - Не бес, а бесёнок. Бесы большие и злые, а я маленький и... ну, тоже немножко злой. Чуть-чуть. В пределах допустимого. Я могу напугать! Хотите, напугаю?

— Не хочу.

— Вот и хорошо, потому что я не умею, - Хлоп ничуть не расстроился. - Я пробовал, но все смеются. Даже тени смеются. А тени вообще-то молчат, но я слышу, как они смеются. Это оби-идно.

У Алисии защемило в груди. Обиженный бесёнок, которого никто не боится. Она знала это чувство, быть тем, кого никто не воспринимает всерьёз. Знала слишком хорошо.

— Хлоп, - сказала она мягче, чем собиралась. - А почему ты пришёл именно сейчас?

— Ой! - жёлтые глаза вспыхнули, и дым снова встал торчком. - Я же зачем пришёл! Я пришёл, потому что вы новая! В

замке никогда не было новых! Ну, были, но те ненадолго. А вы другая. Тени говорят, вы не пахнете страхом. Это правда? Вы правда не боитесь?

— Правда.

— Ого! - бесёнок подпрыгнул и, не удержавшись, хлопнул в ладоши. Звук получился такой, будто лопнул воздушный шар. – Ой! Извините. Я когда волнуюсь - хлопаю. А ещё когда радуюсь или пугаюсь. В общем, я всегда хлопаю.

— Я заметила.

Он придвинулся ближе, смешно перебирая босыми ногами по ковру. Дым на его голове колыхался от движения, и Алисия вдруг осознала, что в замке она чувствует себя не гостьей и не пленницей, а кем-то, кому рады. Пусть даже этот «кто-то» - комок дыма и паники в жилете из книжных переплётов.

— А можно... можно я посмотрю на ваш дневник? - в голосе бесёнка прорезалась робость. - Я видел, как хозяин читал его ночью. Он смеялся. Ну, не смеялся, он никогда не смеётся, но татуировки у него стали такого цвета, как будто ему весело. Я таких цветов раньше не видел!

— Каких цветов?

— Вот таких, - Хлоп покрутил пальцами в воздухе, явно не в силах подобрать описание. - Ну, не чёрные и не серебряные, а что-то между. Как будто он хотел улыбнуться, но забыл, как это делается.

Что-то внутри ухнуло, как камень, брошенный в колодец.

Архивариус Бездны хотел улыбнуться, читая её дневник. И от этой мысли стало одновременно жутко и… Она не могла подобрать слово. Да и нужно ли?

— Ты сказал, он читал его ночью, - проговорила Алисия, поглаживая обложку. - Где?

— У себя! В своём кабинете. Ну, это не кабинет, это... такое место, где он сидит и смотрит. Туда никто не ходит, кроме него. Даже Найя не ходит. А меня вообще не пускают. Меня много куда не пускают, я потому и прячусь...

Договорить бесёнок не успел.

Тени в комнате вдруг замерли и Хлоп, который секунду назад тараторил без умолку, превратился в серую статую. Его жёлтые глаза расширились до размера блюдец, дым на голове опал и прижался к черепу. Страх, плескавшийся в этих круглых глазах, был таким чистым, таким первобытным, что Алисии стало почти больно.

— Хозяин, - прошептал он.

Дверь за спиной гостьи растворилась в тенях.

Она почувствовала его присутствие раньше, чем увидела. Воздух стал холоднее, тени на стенах пришли в движение, а сердце предательски пропустило удар. Не от страха. От чего-то иного, чему она пока не знала названия.

На пороге стоял Вал'Тирион. Всё тот же: высокий, плечистый, с бледным лицом и живыми татуировками, бегущими по предплечьям. Но теперь, в полумраке комнаты, он казался больше, чем утром. Тени льнули к нему, и воздух вокруг

мерцал от невидимого напряжения. Гостья смотрела на него и чувствовала странную смесь.

Бесёнок издал тонкий, почти ультразвуковой писк.

— Х-хозяин, я не... я просто... я хотел поздороваться... с новой... и ухожу, я уже ухожу, меня тут нет, я тень, я вообще не существую...

— Хлоп, - произнёс Архивариус Бездны.

Имя бесёнка, произнесённое этим низким голосом, прозвучало приговором. У Алисии по спине пробежал холодок от этой мощи. От осознания того, насколько это существо отличалось от всего, что она знала. Он мог уничтожить бесёнка щелчком пальцев. Мог уничтожить её.

— Да, хозяин? - прошептал Хлоп, втягивая голову в плечи.

— Ты её разбудил?

— Нет! Нет-нет-нет, она сама проснулась! Я только хлопнул, ну, чуть-чуть, самую малость, она даже не вздрогнула! - бесёнок повернулся к Алисии с выражением отчаянной мольбы, и в его жёлтых глазах стояло такое неподдельное отчаяние, что у неё сжалось горло. - Вы же не вздрогнули?

— Не вздрогнула, - подтвердила она, и вложила в эти слова всю уверенность, на какую была способна. Ей хотелось защитить это нелепое создание. Хотелось сказать хозяину замка: «*Оставь его, он не сделал ничего плохого*», но промолчала из уважения к чужим правилам.

Вал'Тирион перевёл посмотрел на гостью и этот взгляд

проникал глубже, чем хотелось бы. Казалось, он видит не только её лицо, но и мысли, и чувства, и тот самый тёплый комок в груди.

— Ты нашла кухню, - это был не вопрос.

— Найя показала.

— И наелась?

— Вполне. Хлеб был вкусный, передайте замку мою благодарность.

Он моргнул, тот самый жест, который она уже видела вчера.

— Замок не принимает благодарностей.

— А придётся. Я намерена благодарить его каждый раз, когда он делает что-то хорошее. Привыкайте.

Хлоп тихо пискнул. Жёлтые глаза метались между хозяином и гостьей с выражением, близким к священному ужасу: никто и никогда не разговаривал так с Архивариусом Бездны. Алисия это знала. Чувствовала. И странное дело - наслаждалась этим.

Вал'Тирион помолчал, затем перевёл взгляд на бесёнка.

— Ступай.

Хлоп исчез мгновенно. Только лёгкое облачко пепла на том месте, где он только что стоял, медленно осело на ковёр. И в груди что-то кольнуло. Она не успела попрощаться. Не успела сказать, что будет рада видеть его снова.

— Он тебя до смерти боится, - заметила Алисия.

— Он бес, - равнодушно отозвался Архивариус. - Они все

боятся.

— А по-моему, он просто хотел поздороваться.

— Он хотел понять, опасна ли ты. Тени докладывают ему обо всём. Он - уши замка.

— Серьёзно? - этнограф приподняла бровь, и внутри шевельнулось тепло при мысли о бесёнке. - Этот комок дыма и паники, уши замка?

— У страха много форм. Его форма - любопытство.

Вал'Тирион шагнул в комнату и Алисии показалось, что сам замок затаил дыхание, но ей не было холодно.

— Иди за мной, - сказал он. - Я покажу, где работаю.

— О, так у тебя есть кабинет?

— У меня есть место, где я думаю. Называй как хочешь.

Она поднялась, прижимая дневник к груди.

— А мне можно с дневником?

— Можно. Ты оставила там много ошибок. Я отметил не все.

Прежде чем выйти, Алисия бросила последний взгляд в угол, где только что исчез Хлоп. Тени там ещё колыхались, и в их глубине ей почудилось два жёлтых огонька.

***

Кабинет или вернее место, которое Вал'Тирион называл «местом, где он думает», находился в стороне от всего, что Алисия успела увидеть в замке.

Они шли молча. Архивариус двигался бесшумно, его ша-

ги не отдавались эхом, и единственным доказательством того, что он идёт рядом, было мерцание татуировок в полумраке. Гостья старалась не отставать, но босые ноги скользили по гладкому камню, а коридоры, по которым они двигались, становились всё уже и темнее.

Молчание не было неловким. Каждый шаг приближал её к чему-то важному, и Алисия это чувствовала. Сердце билось ровно, но в глубине души нарастало предвкушение, как перед открытием.

Наконец они остановились перед массивной дверью. Не аркой, как все остальные проёмы в замке, а именно дверью: чёрное дерево, окованное серебряными пластинами, на которых змеились символы Древнего Наречия. В центре был вырезан тот же знак, что и на алтаре в храме: спираль, уходящая в точку.

— Входи, - сказал Вал'Тирион и дверь растворилась.

Комната, открывшаяся за ней, была круглой. Не такой огромной, как тронный зал, но всё равно впечатляющей: стены из гладкого обсидиана, высокий купол, уходящий в темноту. По куполу двигались серебряные прожилки, но иначе, чем в остальном замке. Здесь они складывались в карты, в схемы, в чертежи незнакомых созвездий и каждая линия пульсировала в собственном ритме.

В центре комнаты стоял стол. Широкий, с наклонной столешницей, заваленной бумагами, свитками и картами. Рядом высился шкаф с ячейками, в каждой из которых лежа-

ло по хрустальному шару. Некоторые шары светились изнутри, другие оставались тёмными, но все до единого хранили внутри крохотное, сжатое до точки изображение - чьё-то лицо, чью-то фигуру, застывшую в крике.

Дыхание перехватило. Алисия стояла на пороге и чувствовала себя так, как чувствовала когда-то, впервые войдя в библиотеку Университета. Здесь хранились знания и они ждали её.

— Это твоя коллекция, - прошептала она. Голос прозвучал тихо, почти благоговейно. - Хрустальные шары с последними мгновениями.

— Ты читала обо мне.

— Я читала всё, что могла найти.

И тут в голове что-то щёлкнуло. Вопрос, который не приходил раньше, а должен был. Она повернулась к Вал'Тириону:

— Подожди. Откуда люди вообще знают про шары?

Он стоял у стола, внимательно рассматривая девушку.

— Ты же сам говорил: никто не возвращался из замка живым. Грейвз мне твердил это годами. Никто не возвращался, но все знают про коллекцию. Про шары. Про Архивариуса, который хранит последние мгновения. Откуда? Если никто не видел и не рассказал?

Архивариус Бездны смотрел на неё и молчал. Но молчание это было оценивающим, как будто он решал, достойна ли она ответа.

— Я позволял, - произнёс он наконец.

— Что?

— Знание множит страх. - Его голос звучал ровно, почти скучающе. - Человек боится не того, чего не знает. Он боится того, что знает слишком хорошо. Я посылал видения жрецам и пророкам. Тем, кто был способен их принять и не сойти с ума сразу. Они просыпались в холодном поту и записывали каждую деталь, а другие читали их записи и боялись.

Он сделал паузу и добавил тише, но весомее:

— Я собираю не только смерти. Я собираю страх, а страх требует осведомлённости.

Алисия переварила услышанное. Выходило, что каждая книга и легенда, каждый манускрипт, которые она изучала годами, были не слухами, не домыслами, а приглашениями. Маяками, которые он расставил по миру, чтобы жертвы сами шли к нему - дрожа, но с полным пониманием того, что их ждёт.

— То есть, - медленно проговорила она, - все эти тексты, над которыми я корпела десять лет, ты сам их вдохновил?

— Не все. Некоторые фантазии переписчиков, но ключевые детали, - он кивнул на шкаф с шарами, - да.

Она выдохнула. Архивариус Бездны был не просто коллекционером. Он был собственным мифотворцем. Автором легенды о себе, растянутой на тысячелетия.

Пальцы почти коснулись ближайшего шара - тёмного, с едва различимой фигурой внутри, но остановились в милли-

метре. И только тогда она осознала, что сердце бьётся быстрее обычного, от жадного, почти детского любопытства.

— Я могу? - спросила она, оборачиваясь.

— Можешь, - сказал он. - Но этот шар хранит смерть воина, который молил о пощаде три часа. Его последний миг не самый приятный.

Алисия отдёрнула руку, и по коже пробежал холодок. Это не легенды, не сказки. Настоящие смерти, застывшие в хрустале.

— Спасибо за предупреждение.

— Я коллекционер, а не садист. Красивая смерть - редкость. Я не хочу портить твоё впечатление первой встречи с моей коллекцией. Позже я покажу ту, что стоит твоего любопытства.

Эти слова прозвучали так буднично, что гостья на мгновение забыла, с кем разговаривает. Коллекционер смертей, который хочет показать «красивый экземпляр». Ей следовало бы ужаснуться, но вместо этого она чувствовала любопытство и странное дело - благодарность за то, что он не стал показывать самое страшное сразу.

— Ты читал мой дневник, - сказала она, возвращаясь к столу. - Зачем?

— Чтобы понять.

— Что именно?

— Почему ты не боишься.

Вал'Тирион стоял у стола, и его разноцветные глаза смот-

рели прямо в глаза гостье. Она выдержала этот взгляд.

— И? - спросила она. - Понял?

— Ты умерла в детстве и вернулась. Я знаю этот миг. Я был там.

— Я помню.

— Но ты не помнишь всего.

Архивариус взял со стола какой-то свиток, развернул и Алисия увидела схему. Тонкие линии складывались в спираль со дна алтаря и в центре спирали было написано её имя.

Мир замер, в ушах зашумело. Её имя. В центре той самой спирали, которую она видела в храме. Той самой, что была вырезана на алтаре.

— Ты не просто умерла и вернулась, - сказал он. - Ты коснулась Пустоты. Она оставила в тебе метку. Искру. И эта искра ждала двадцать лет, чтобы вспыхнуть.

— Вспыхнуть при чём?

— При мне.

Он положил свиток обратно на стол.

— Твоя неспособность бояться - не талант, Алисия. Это магия Пустоты, которая спит в тебе. А я единственный, кто может её разбудить.

Несколько ударов сердца гостья молчала. Внутри всё переворачивалось. Двадцать лет. Двадцать лет она считала себя просто странной. Просто не такой, как другие. Просто сломанной после болезни. А теперь выяснялось, что она не сломана. Она другая.

— Ты хочешь сказать, что я...что во мне есть часть тебя?

— Часть Пустоты. Я её Архивариус, а не владелец, но да. Между нами связь. Она возникла в тот момент, когда ты умирала и закрепилась вчера, когда ты назвала моё имя.

Алисия опустилась в кресло у стола, ноги сами собой ослабели. В горле стоял комок от переполнявшего её чувства, которому она не могла подобрать названия. Столько лет вопросов, одиночества среди людей, которые боялись того, что она не боялась. И теперь ответ. Вот он. Сидит напротив и смотрит на неё разноцветными глазами.

— Двадцать лет, - произнесла она. - Двадцать лет я думала, что просто не умею бояться, что это характер.

— Это судьба, - сказал Вал'Тирион. - И теперь ты знаешь.

В комнате повисла тишина. Такая глубокая, что Алисия слышала собственное сердце.

— Зачем ты мне это рассказываешь? - спросила она наконец.

— Потому что ты заслуживаешь знать и потому, что завтра начнутся уроки.

— Уроки?

—Ты теперь будешь жить в моём замке. Ты носишь искру Пустоты. Я не позволю тебе остаться беззащитной, будешь учиться.

Чувство правильности происходящего накрыло с головой. Она сидела в кресле, в шёлковом халате, босая, а древнее зло говорило ей об уроках и это не было сном.

— Ладно, но у меня условие.

— Условие? - татуировки на его скулах дрогнули.

— Ты больше не будешь читать мой дневник без спроса. Это мои записи, если хочешь что-то узнать, спроси лично.

Вал'Тирион посмотрел на неё долгим взглядом и Алисия почувствовала, как уголки её губ сами ползут вверх.

— Хорошо, - произнёс он наконец. - Но комментарии на полях я оставлю.

Татуировки на его шее вспыхнули тем самым цветом, который Хлоп не мог описать словами.

И где-то глубоко внутри, Алисия Вэллс почувствовала: она там, где должна быть.

# Глава 5. Первый эксперимент

*Замок Бездны. Глубокая ночь. Вал'Тирион.*

Замок спал, если можно назвать сном ту особенную тишину, что наступает в час, когда даже тени перестают шевелиться.

Архивариус стоял у двери в комнату смертной и не двигался. Ладонь лежала на обсидиановой пластине, вплавленной в косяк, но это было излишне, он чувствовал пространство за стеной каждой линией своих татуировок. Чувствовал, как гостья дышит с той глубокой размеренностью, что бывает только у людей, не ведающих кошмаров.

Она спала.

А он стоял на пороге и медлил, впервые за три тысячи сто сорок два года.

Медлил не от сомнения, а от непонимания. Всё в этой смертной шло вразрез с тем, что Архивариус знал о людях. Они кричали, попав в замок. Они молили о пощаде, едва он входил в комнату. Их тела предавали их раньше, чем разум успевал осознать ужас. А эта - спала.

И не боялась.

Он проверил её разум - не поддался. Оставалось проверить тело.

Пальцы сжались на дверной пластине. Обсидиан под ни-

ми потеплел, отзываясь на волю хозяина. Дверь растворилась без звука, просто перестала существовать, как перестаёт существовать тень, когда заходит солнце.

Внутри было тепло. Замок перестроил температуру под смертную - это Архивариус почувствовал сразу, как только переступил порог. Тени в углах замерли по стойке смирно. Кровать под балдахином из теней была широкой и тёмной и на ней, свернувшись под покрывалом, лежала девушка.

Вал'Тирион приблизился. Бесшумно - не потому, что старался, а просто не умел иначе. Сама природа его существа не позволяла производить лишних звуков.

Смертная спала на боку, поджав колени к груди. Чёрные волосы разметались по подушке, переплетаясь с тенями от балдахина, и тени, обычно чуждые всему живому, льнули к этим волосам почти ласково. Халат сполз с одного плеча, открывая бледную кожу и тонкую линию ключицы. Дыхание было глубоким и ровным. Ресницы чуть подрагивали - она видела сон, но судя по спокойному лицу, не кошмар.

Архивариус стоял над ней и смотрел.

Странное существо. Хрупкое, он мог переломить её одной рукой, даже не прибегая к магии. Смертное, срок её жизни был короче, чем миг в масштабах Пустоты. И при этом единственное за три тысячелетия, из-за которого он стоял сейчас в нерешительности, откладывая неизбежное.

Почему?

Ответа не было. Был только холодный, расчётливый инте-

рес, который с каждым днём становился всё менее холодным и всё менее расчётливым. Это раздражало и завораживало одновременно.

Татуировки на предплечьях ускорили бег. Он заметил это краем сознания и заставил их замедлиться. Не хватало ещё, чтобы собственное тело выдавало его смятение.

— Ты пришёл, - произнесла она.

Архивариус не вздрогнул, он не умел вздрагивать, но внутри что-то колыхнулось. Она не открыла глаза, пока он стоял в изголовье, а теперь смотрела на него ясно и прямо, без следа сонной мути.

— Ты не спишь, - ответил он.

— Теперь уже нет.

Смертная села, поправив халат на плече. Движения были плавными, лишёнными той суетливости, с какой люди обычно просыпаются в присутствии опасности. Сердце её по-прежнему билось ровно. Зрачки в полутьме казались почти чёрными, но в их глубине мерцал знакомый серебристый отсвет - искра, которую он узнал двадцать лет назад.

— Зачем ты пришёл?

Вал'Тирион помедлил. Затем шагнул ближе и опустился на край кровати, потому что эксперимент требовал контакта. По крайней мере, так он себе сказал.

— Проверить, - произнёс он.

— Что именно?

— Границы. Твой разум не поддаётся, но страх многолик.

Один живёт в голове, ты его не пускаешь. Другой в теле, а телу не прикажешь.

Он обошёл кровать и встал за её спиной. Теперь между ними не было расстояния, затылок смертной оказался прямо перед ним. Одно движение и можно было сломать ей шею или наоборот, коснуться так легко, как он не касался никого за всю историю своего существования.

— Сиди неподвижно, - сказал Архивариус. - Это урок.

— Ночной урок? - в её голосе мелькнула усмешка. - Ты не предупредил.

— Страх не предупреждает.

Он поднял руку и положил ладонь на затылок смертной.

Кожа оказалась тёплой, почти горячей, по сравнению с его собственной, и это тепло обожгло. Оно проникло сквозь ладонь, растеклось по запястью и ушло куда-то вглубь, туда, где Архивариус не привык ничего чувствовать.

Он заставил себя сосредоточиться. Эксперимент. Только эксперимент. Ничего больше.

Импульс пошёл мягко, дозированно. Совсем немного: тень страха, который испытывает человек, стоящий на краю обрыва. Страх падения. Самый простой, самый первобытный. У любой смертной от такого подогнулись бы колени, а сердце забилось бы в панике.

Её тело отозвалось мгновенно.

Под ладонью напряглись мышцы. Позвоночник выпрямился. Пальцы вцепились в край кровати, костяшки побеле-

ли. Дыхание сбилось на долю секунды, сердце ускорилось до восьмидесяти ударов. Всё как положено. Всё правильно.

Но разум...

Он чувствовал его сквозь прикосновение – ясный и спокойный. Чужой страх вливался в неё, стучался в двери сознания, а разум смертной смотрел на него с холодным любопытством и не открывал. Она не боролась. Она наблюдала, словно учёный, который смотрит в микроскоп на неизвестный организм и делает заметки в уме.

«*Интересно*», - подумала Алисия. Архивариус услышал эту мысль так же ясно, как если бы она произнесла её вслух. Возможно, она и вправду произнесла, он не был уверен. Собственное восприятие дало сбой.

— Интересно, - повторила она уже не про себя, и её голос прозвучал хрипло, но ровно. - Ты прав… - она облизнула губы, - я смотрю на это со стороны, как на эксперимент. Это странно.

Вал'Тирион убрал руку.

Не сразу. Сперва пальцы задержались на долю секунды дольше, чем требовалось, он сам не заметил этого. Искра внутри смертной тянула к себе.

Обошёл кровать и встал перед ней. Татуировки на скулах бежали быстрее обычного, он чувствовал их движение кожей, но не стал замедлять. Пусть.

— Твоё тело кричало, - произнёс он. - Но разум нет, ты осознавала страх и не поддавалась ему. Так не бывает.

— Бывает, - она выпрямилась и поправила сползший с плеча халат, не отводя взгляда. - По крайней мере, со мной.

— Кто ты?

— Ты же сам сказал, я ношу искру Пустоты.

— Искра объясняет, почему страх не проникает глубоко, - Архивариус склонил голову набок. - Но она не объясняет, почему ты остаёшься спокойна. Спокойствие - это не отсутствие страха. Это контроль над ним. Где ты ему научилась?

Смертная задумалась. Взгляд скользнул мимо него, в темноту за окном и вернулся обратно. Когда она заговорила, голос прозвучал мягче, чем раньше.

— Когда умерла мать, - медленно проговорила она, - отец сказал мне: «Часы тикают, даже когда их никто не слышит. Время не останавливается».

Она сделала паузу. Серебряное пламя в камине отражалось в её глазах, и на мгновение Архивариусу показалось, что он видит в них ту самую Пустоту. Бездну, которая не поглощает, а принимает.

— Я была слишком мала, чтобы понять, - продолжила смертная. - А когда поняла, уже не могла бояться. Страх останавливает время, понимаешь? Ты замираешь, цепенеешь, перестаёшь тикать. А я не хотела останавливаться. Поэтому научилась смотреть на страх как на шестерёнку. Шестерёнки можно изучать. Их не нужно бояться.

Вал'Тирион слушал и не перебивал. Слова смертной были простыми, почти детскими. Но в них таилась логика, кото-

рая была старше Богов. Страх как шестерёнка. Страх как инструмент. За три тысячи лет никто не говорил с ним о страхе так, для людей он был проклятием. Для демонов - пищей. Для него самого - коллекцией. А для неё - механизмом, который можно разобрать и понять.

И она разобрала. В семь лет.

— Твой отец был часовщиком, - сказал он.

— Да. Лучшим в Вэйнвуде. Его часы до сих пор ходят в башне Университета. Говорят, они не отстают ни на секунду.

Архивариус кивнул медленно, почти задумчиво. Эксперимент был закончен. Можно было уходить и раствориться в тенях, вернуться в кабинет, записать результаты, но что-то держало его на месте.

— Скоро, - произнёс он, - начнём уже настоящие уроки. Я покажу, как управлять искрой.

— Ты обещал, - она улыбнулась краем губ. - Я запомнила.

— Я никогда не обещаю. Я предупреждаю.

— Тогда я запомнила предупреждение.

Он развернулся плавно, как тень скользит по стене.

— Вал'Тирион, - окликнула она.

Архивариус остановился, но не обернулся.

— Да.

— Спасибо за то, что не стал пугать до конца. Я знаю, ты мог.

Он не ответил. Исчез в тенях прежде, чем последнее слово сорвалось с её губ. Но в кабинете, оставшись один среди

хрустальных шаров, долго стоял у стола и смотрел на свиток со спиралью, в центре которой было написано её имя.

Искра Пустоты. Его метка. Его... что?

Он не знал, но впервые за три тысячи лет хотел узнать.

# Глава 6. Тени

*Замок Бездны. День после эксперимента.*

Утро началось с ощущения, что кто-то смотрит.

Алисия открыла глаза и сразу поняла, в комнате что-то изменилось. Не в ней самой, а в тенях. Они лежали иначе, чем вчера. Не прятались по углам, а расположились открыто, на виду: у изножья кровати, возле письменного стола, на пороге у двери.

Страха не возникло. Вместо него пришло другое чувство, будто завела питомца, которого ещё не научилась понимать, но уже знаешь, что он не укусит.

— Доброе утро, - произнесла гостья, садясь на кровати.

Тени не ответили, но та, что лежала у изножья, чуть сдвинулась. Ровно настолько, чтобы показать: «*я здесь*».

Балдахин из теней над головой колыхнулся, приветствуя пробуждение, и скользнул в сторону, открывая вид на комнату. Вчерашний кувшин с водой снова был полон. На тумбе, рядом с кружкой, обнаружилась стопка чистых листов, словно замок знал, что дневниковая бумага заканчивается.

Алисия потянулась, чувствуя, как мышцы отзываются приятной истомой, и спустила босые ноги на пол. Ковёр привычно принял ступни теплом. После умывания она оделась в дорожную рубашку и брюки, которые Найя каким-то обра-

зом привела в порядок. Рубашка пахла травами и холодом, и от этого знакомого запаха внутри что-то отпустило. Она снова становилась учёной, исследовательницей, а не просто «гостьей».

Завтрак прошёл в одиночестве. Кухня встретила её теплом очага и свежим хлебом, рядом с которым стояла плошка с чем-то, напоминавшим мёд, только темнее и с серебристым отливом. Вкус оказался неожиданным: не сладкий, а пряный с горчинкой. Замок экспериментировал.

После еды она вернулась в комнату за дневником. Тот лежал на столе, раскрытый на странице, где вчера были записаны итоги эксперимента. Перечитала:

*«Архивариус провёл проверку физической реакции на страх. Результат: тело реагирует (дрожь, сердцебиение, мышечное напряжение), разум - нет. Чужой страх ощущается как отдельная субстанция, не смешивается с собственным восприятием. Примечание: объект В. остановился до того, как я попросила. Вывод: либо он соблюдает границы, либо ему самому было...»*

Дальше запись обрывалась, она так и не дописала вчера. Заснула раньше, чем нашла нужную формулировку. Пальцы нащупали перо, обмакнули в чернильницу, и строчка побежала дальше:

*«...любопытно. Продолжить наблюдения».*

Отложив дневник, Алисия задумалась. Урок с Архивариусом начнётся скоро, но неизвестно когда точно. Сегодня це-

лый день в замке, который она видела лишь малую часть. Можно было попросить Хлопа провести экскурсию или снова отправиться в библиотеку, там оставались не просмотренные залы. Можно было...

Тени шевельнулись.

Теперь уже отчётливо. Не одна, а все разом. Они качнулись вперёд и замерли, выжидая.

— Вы что-то хотите? - спросила она, откладывая перо.

Ответа не последовало, но ближайшая тень, что лежала ближе всех, вытянулась в тонкую линию и указала на дверь.

— Проводить меня?

Линия качнулась, что вполне можно было принять за кивок.

Алисия поднялась, захлопнула дневник и сунула за пояс металлическое перо, на всякий случай. Оно вряд ли могло послужить оружием против порождений Бездны, но вес в руке успокаивал. Привычка, оставшаяся от экспедиций: в неизвестность без артефакта не ходить.

— Ведите.

Три тени потекли к выходу, остальные остались в комнате, провожая гостью безмолвными взглядами.

***

Коридор встретил привычным полумраком, но сегодня здесь было иначе, или ей так казалось. Тени, которые раньше просто лежали на камне, теперь поворачивались к ней.

Алисия шла за проводницами и считала повороты. Третий коридор, левая развилка, подъём по спиральной лестнице. Эти стены были шире и выше, чем те, что вели в библиотеку и на кухню.

Гостья замедлила шаг у одного из барельефов. Воин в доспехах поднимал меч, но противник, сотканный из тьмы, уже проходил сквозь клинок. Изображение двигалось: меч опускался, тьма обтекала его и воин отступал на шаг. Затем сцена возвращалась к началу и повторялась снова. Бесконечная битва, в которой никто не побеждал.

— Это история? - спросила Алисия.

Тень-проводница указала дальше по коридору - мол, не отвлекайся.

— Не отвечаешь, ну и ладно.

Путь привёл в небольшую круглую комнату. Здесь не было ни мебели, ни гобеленов. Только стены, на которых тени двигались совершенно свободно. Они отлипали от обсидиана, свивались в узоры и снова растворялись в камне. В центре, прямо на полу, лежал круг света - непонятно откуда взявшегося, потому что потолок здесь был глухим и тёмным, без единой серебряной прожилки.

Алисия вошла в круг и остановилась. Сердце забилось чаще от непонятного предчувствия.

— Зачем вы меня сюда привели? - спросила она.

Тени в комнате пришли в движение. Они стекались со стен, образовывали кольцо вокруг светового круга и замира-

ли, не пересекая границы. Гостья стояла в центре, сжимая в руке перо и смотрела, как тьма обступает её со всех сторон.

Голос дрогнул, когда она заговорила снова:

— Вы не просто стражи. Вы часть Его.

Тени вздрогнули все разом, как единый организм. И затем одна из них - самая тёмная, самая глубокая - вытянулась вперёд. Она пересекла границу светового круга и легла у ног гостьи, как собака, которая признала хозяина.

Дыхание перехватило. Алисия опустилась на колени и протянула руку.

Ладонь коснулась тени.

Мир взорвался образами.

Холод, что обостряет чувства до предела, пробежал по телу волной. Замок открылся перед ней, как раскрытая книга. Она ощутила каждую стену, каждый коридор, каждую трещину в обсидиане. Кабинет Архивариуса - он сидел за столом, склонившись над свитками. Библиотека - и в ней, среди парящих книг, крохотный силуэт Хлопа, который тараторил что-то сам себе. Кухня. Тронный зал.

А потом видение ушло глубже.

Она увидела то, что тени хранили тысячелетиями. Увидела Архивариуса не таким, как сейчас, а другим. Высоким, плечистым, с крыльями из Света, а не из Тьмы. Воином в сияющих доспехах, который сражался на стороне Света. Его золотые глаза, тогда ещё одного цвета, смотрели на мир с решимостью. Он был другим. И он был... счастлив?

Видение сменилось. Падение. Предательство. Крылья из света гаснут, осыпаются пеплом. Фигура, которую она знала как Светлого Бога, отворачивается. И тогда ещё не Архивариус, а просто Вал'Тирион - остаётся один в Пустоте.

Алисия отдёрнула руку. Сердце колотилось где-то в горле. Ладонь онемела от холода, но внутри разливалось странное, горькое тепло. Она не ожидала этого, не была готова.

— Вы его глаза, - выдохнула она. - Вы докладываете ему обо всём.

Тени не ответили, им и не требовалось.

— И сейчас вы смотрите на меня не потому, что вам приказали, - продолжила Алисия, и осознание пришло вместе со словами, - а потому что вам... интересно?

Та тень, что лежала у её ног, чуть приподнялась и качнулась вперёд, почти как кивок.

Гостья села на пол, скрестив ноги. Холод камня чувствовался даже сквозь ткань брюк, но это было неважно. Она зашла слишком далеко, чтобы отступать.

— Тогда давайте знакомиться, - сказала она. - По-настоящему.

***

Время в круглой комнате текло иначе.

Алисия поняла это, только когда, выйдя в коридор, увидела, что серебряные прожилки на стенах сменили ритм. Прошло несколько часов. Может быть, больше. Спина затекла,

во рту пересохло, но внутри царило странное, почти радостное спокойствие.

Тени не умели говорить, у них не было ни ртов, ни голосов, ни языков. Но они умели показывать. Картинами. Образами. Эмоциями, спрессованными в доли мгновения. За эти часы гостья узнала о замке очень много.

Ей показали, как создавались стены из сгущённой воли хозяина и самой ткани Пустоты. Показали, как тени передают сообщения, следят за границами, охраняют покои.

И ещё кое-что… то, что она видела при первом касании. Падение. Предательство. Три тысячи лет одиночества, заполненного только коллекционированием чужих смертей. Тени показали ей это не для того, чтобы напугать. Для того, чтобы объяснить.

— Он не всегда был таким, - прошептала Алисия. - Он стал.

Тени качнулись.

— Почему вы показываете это мне?

Тень, что лежала у её ног, поднялась и медленно, почти робко коснулась её ладони. Прикосновение было лёгким, но в нём читался ответ. «*Потому что ты не боишься, ты можешь понять, ему нужен кто-то, кто не боится.*»

Гостья сглотнула комок в горле и кивнула.

— Спасибо, - сказала она тихо. - За то, что показали.

Тени не исчезли, а просто дали больше пространства, как свита, которая расступается перед королевой. Алисия под-

нялась с пола. Голова слегка кружилась… то ли от долгого сидения, то ли от обилия увиденного.

— Я вернусь, - пообещала она, глядя на тени. - И вы мне расскажете ещё.

Тени качнулись, и в этом движении гостье почудилось что-то похожее на радость.

***

Обратный путь нашёлся сам собой. У двери в спальню Алисия остановилась и обернулась. Тени всё ещё были там.

— Вы знаете, - сказала она, - я думала, что в замке Бездны буду одна. А теперь оказывается, что вас сотни.

Алисия вошла в комнату и закрыла дверь.

***

Вечером, сидя у камина с дневником на коленях, она записала:

*«Тени замка не просто стражи. Это часть его самого, разрозненная, но сознающая. Они наблюдают, запоминают и передают информацию хозяину. Сегодня они впервые пошли на контакт добровольно - не по приказу, а из... любопытства? Симпатии? Показали прошлое замка и его владельца. Ключевое: до падения Архивариус был воином Света. Крылья из света, золотые глаза, служение. Падение - результат предательства. Подтверждает хроники. Вопрос: почему он сам не рассказывает об этом? Ответа пока нет.*

*Продолжить наблюдения».*

Она перечитала запись и добавила на полях:

*«P.S. Кажется, у меня появились союзники».*

Серебряное пламя в камине мигнуло. Тени на стенах замерли, словно читая написанное и почти незаметно качнулись вперёд.

# Глава 7. Приглашение к трону

*Замок Бездны. Утро следующего дня.*

Беззвучное приглашение пришло на рассвете, но оттого не менее властное.

Алисия проснулась от того, что воздух в комнате изменился. Он стал плотнее, тяжелее, словно перед грозой. Те тени, что вчера провели с ней несколько часов в круглой комнате, стояли вдоль стен, вытянувшись, как солдаты в ожидании командира. В центре спальни, прямо на ковре лежал свиток.

Гостья села на кровати и потянулась за ним. Пергамент оказался прохладным, а печать отсутствовала. Вместо неё по краю бежала тонкая линия из застывшей тени, которая при прикосновении растаяла, открывая текст.

Всего пару строк на Древнем Наречии, выведенные тем же твёрдым, угловатым почерком, что и комментарии на полях дневника:

*«Сегодня в Тронном зале, когда колонна коснётся центра. Не опаздывай».*

— «Когда колонна коснётся центра», -пробормотала Алисия, перечитывая. - А по-человечески нельзя? Например, в полдень?

Никто не ответил, но тень у изножья кровати едва заметно

колыхнулась в молчаливом смехе.

Она отложила свиток и поднялась. Утро обещало быть интересным.

***

Сборы заняли меньше времени, чем хотелось бы. Умывание ледяной водой из кувшина, привычная дорожная рубашка и брюки. Волосы, собранные в тугой узел на затылке и заколотые серебряной спицей, что всегда лежала в кармане плаща. Сегодня не было желания расхаживать в шёлковом халате. Сегодня требовалась собранность.

На завтрак гостья спустилась быстро, скорее по привычке, чем из голода. Кухня встретила её теплом очага и запахом травяного чая, но за столом обнаружился сюрприз - Хлоп. Бесёнок сидел на краешке стула, свесив босые ноги и сосредоточенно ковырял пальцем трещину в деревянной столешнице.

— О, вы проснулись! - дым на его голове встал торчком. - А я тут жду уже давно. Ну, не очень давно, но достаточно, чтобы начать волноваться, а когда я волнуюсь, у меня дым топорщится, видите?

— Вижу, - Алисия села напротив и налила чай. - Ты чего такой взбудораженный?

— Так ведь... - бесёнок понизил голос до шёпота, хотя в кухне никого больше не было, - вас же к трону пригласили!

— И что с того?

— Как что?! - жёлтые глаза расширились до размера блюдец. - В тронный зал просто так не зовут! Туда вообще никого не зовут! Последний раз, когда хозяин кого-то приглашал... - Хлоп осёкся и нервно сглотнул.

— Когда?

— Ну, тот гость теперь в шаре, - бесёнок показал пальцем куда-то в сторону тронного зала. - В хрустальном. Маленький такой шарик, третий ряд, вторая полка слева. Я запомнил.

Ложка замерла на полпути к чашке. Алисия посмотрела на Хлопа долгим взглядом и отложила её в сторону.

— Ты хочешь сказать, что приглашение в Тронный зал - это не экскурсия?

— Я хочу сказать, - бесёнок придвинулся ближе и заговорил совсем тихо, - что хозяин... ну, он коллекционер. А коллекционеры любят показывать коллекцию.

— Думаешь, он будет меня пугать?

— Я ничего не думаю! - Хлоп замахал руками. - Думать в замке вообще вредно, от этого тени нервничают. Но если вдруг он покажет шары, а они вам не понравятся... вы только не кричите, ладно? Он не любит, когда кричат. Он тогда... мрачнеет.

Гостья отпила чай. Вкус сегодня был другим, более терпким, с металлическим послевкусием. Замок тоже волновался? Или это её собственное восприятие играло злую шутку?

— Спасибо за предупреждение, - сказала она, поднима-

ясь. - Я не буду кричать.

— Я знаю, - прошептал Хлоп. - Вы вообще странная.

У выхода из кухни её ждали тени. Те же три проводницы, вытянувшиеся в струнку. И ещё одна, та самая, что касалась её ладони в круглой комнате. Она легла у ног гостьи и скользнула вперёд, указывая путь.

— Ведите, - кивнула Алисия.

***

Путь оказался длиннее обычного. Через залы, которых она раньше не видела. Первый зал был пуст, только колонны и барельефы на стенах. Второй заставлен каменными сундуками с серебряными замками. Третий оказался галереей: высокие стрельчатые окна выходили не наружу, а в реку из звёздной пыли, и свет, льющийся сквозь них, дрожал и переливался.

А потом теневые проводницы остановились у массивной арки и расступились.

— Здесь?

Тени качнулись, а самая тёмная скользнула к арке и коснулась завесы. Ткань теней разошлась, открывая проход.

И Алисия вошла в Тронный зал.

***

Позже, пытаясь описать этот момент в дневнике, она не найдёт слов. Человеческий язык не был рассчитан на такое.

Она видела кабинет Архивариуса, он был местом для размышлений, а не для демонстрации. Там коллекция служила справочным собранием, к которому обращались по мере надобности. Увиденное там подготовило её, но не могло вместить того, что открылось теперь.

Тронный зал был главным хранилищем.

Он раскинулся вширь и ввысь настолько, что перехватило дыхание. Стены из чёрного обсидиана уходили в темноту, теряясь в вышине, где мерцали холодные огоньки.

Пол под ногами был прозрачным. Толстое стекло отделяло зал от реки, текущей внизу.

А вокруг трона, поднимаясь амфитеатром, раскинулась коллекция.

Шкафы в кабинете могли бы уместиться здесь в одном углу и потеряться. Здесь же, находилось главное собрание - сотни, если не тысячи хрустальных шаров. В каждом было заключено мгновение: чьё-то лицо, чья-то фигура, чей-то последний крик, застывший навечно.

А в центре, на возвышении из цельного обсидиана, стоял трон, и на нём восседал Архивариус Бездны.

Сегодня он выглядел иначе. Хозяин облачился в подобие доспеха: чёрного, облегающего тело, с серебряными вставками, на которых бежали символы Древнего Наречия. Чёрные волосы были собраны в низкий хвост, открывая резкие линии скул и тяжёлую челюсть.

— Входи.

Гостья шагнула вперёд. Босые ступни ступили на прозрачный пол, и река под ним дрогнула, приветствуя её. Шаг, ещё шаг, ещё… и вот она уже в центре зала, прямо перед возвышением.

— Ты получила моё приглашение.

— Получила. Очень лаконичное. «Когда колонна коснётся центра», это вообще что значит?

Вместо ответа он указал на одну из колонн. Та отбрасывала тень, и тень эта, вопреки всем законам природы, двигалась. Она ползла по полу медленно, неотвратимо, как стрелка солнечных часов. До центра зала ей оставалось несколько дюймов.

— Когда я строил замок, - произнёс Вал'Тирион, - я лишил его солнца. Здесь нет дня и ночи, но время всё ещё течёт. Я привязал его к теням, когда тень колонны касается центра, проходит ровно половина суток.

— То есть полдень. Я так и думала, можно было просто сказать «в полдень».

Татуировки на его скулах дрогнули.

— Ты дерзишь в Тронном зале.

— Я везде держу. Мог бы уже понять.

Он не ответил. Поднялся с трона и спустился по ступеням. Движения были плавными, как у хищника, который не торопится, потому что знает: добыче некуда бежать. Остановился в двух шагах и посмотрел сверху вниз.

— Ты знаешь, зачем я тебя позвал.

— Догадываюсь. Хочешь показать коллекцию.

— Верно, - в его голосе мелькнуло нечто похожее на одобрение. - В кабинете ты видела лишь часть. Там хранятся те мгновения, к которым я обращаюсь часто. Здесь же... - он обвёл зал широким жестом, - здесь всё. Всё, что я собрал за три тысячелетия. Каждая смерть, которая имела значение. Каждый страх, который стоил сохранения.

— И ты хочешь проверить, испугаюсь ли я.

— Я хочу увидеть, - поправил Архивариус, - что произойдёт, когда ты посмотришь на них вблизи. Не на один шар, как в кабинете. На сотни.

— А если мне не понравится?

— «Понравится» или «не понравится» не имеет значения.

Он повернулся и двинулся к ближайшему шкафу. Алисия последовала за ним, стараясь ступать бесшумно, но босые ступни всё равно издавали лёгкий шорох по стеклянному полу. Это раздражало. Казалось, сам замок слышит каждое её движение.

Архивариус остановился у ячейки на уровне глаз. Шар внутри был тёмным, почти чёрным, но в его сердцевине билась алая искра.

— Знаешь, кто это?

— Откуда?

— Король Аэдрик Третий, - длинные пальцы коснулись шара, и тот засветился ярче. Внутри проступила фигура: мужчина в короне, с искажённым лицом. - Правил триста лет

назад и объявил себя богом. Сжигал деревни, чтобы доказать власть. Когда я пришёл к нему, он молил о пощаде шесть часов.

— И ты не пощадил.

— Я сохранил его последний миг. Это больше, чем он заслуживал.

Алисия смотрела на шар. Страха не было. Вместо него пришло странное, холодное удовлетворение, как от справедливого приговора. Не ожидая такого от себя, она записала наблюдение где-то на задворках сознания: *обсудить с дневником*.

— Дальше, - сказала она.

Вал'Тирион перевёл на неё взгляд и задержал на мгновение дольше, чем требовалось. Затем двинулся к следующей ячейке.

Второй шар светился мягким, золотистым светом. Внутри была женщина: молодая, с распущенными волосами и лицом, на котором застыло не ужасное, а почти умиротворённое выражение.

— Элианна из дома Роз, - произнёс он, и голос прозвучал тише. – Она пришла сама. Принесла свой страх как дар и попросила сохранить его навечно.

— Зачем?

— Чтобы больше никогда не бояться. Я исполнил её просьбу.

Алисия всмотрелась в лицо женщины. Та выглядела почти

счастливой. И от этого становилось не по себе, но иначе, чем от короля. Не ужас, а щемящая печаль.

Третьим оказался шар, который Вал'Тирион не стал показывать сразу. Вместо этого он остановился у шкафа, достал его из ячейки и повернулся к гостье. Шар лежал на ладони: маленький, не больше яблока, и внутри клубился туман.

— Этот особенный, - сказал Архивариус. - Я не показывал его никому.

— Почему?

— Потому что он не чужой.

Алисия нахмурилась. Сердце сбилось с ритма, впервые за всё время.

— Что это значит?

Вместо ответа он дунул на шар, и туман внутри рассеялся. В сердцевине проступило изображение: девочка лет семи, с чёрными волосами и лихорадочным румянцем на щеках. Она лежала на кровати, и глаза её были закрыты. Рядом стоял мужчина, держа её за руку.

— Это... - голос перехватило.

— Ты, двадцать лет назад. Момент, когда твоё сердце остановилось.

Гостья смотрела на себя и на отца, который ещё не знал, что дочь вернётся, и не могла отвести взгляд. Внутри что-то дрожало, но это не был страх. Так бывает, когда находишь старую фотографию и понимаешь: этот миг навсегда твой. И ещё странное, тёплое чувство от того, что кто-то сохранил

его. Что этот миг не исчез, а остался здесь, в главном зале, среди прочих важных мгновений.

— Ты сохранил его, - прошептала она.

— Я сохраняю все важные мгновения.

— Но я же не умерла.

— Ты умерла на четыре минуты. Этого достаточно.

Рука сама потянулась к шару, не спрашивая разрешения. Холод обжёг пальцы, но она не отдёрнула. Изображение внутри дрогнуло, и на мгновение показалось, что девочка в шаре открыла глаза.

— Зачем ты показываешь это мне?

— Чтобы ты поняла, - ответил Архивариус. - Ты не просто гостья. Ты часть коллекции. С того самого дня, когда твоя душа коснулась Пустоты. Я хранил тебя задолго до того, как ты назвала моё имя.

Шар погас и он убрал его обратно в ячейку. Движения были медленными, почти бережными.

Алисия стояла молча. Мысли неслись вскачь, но ни одна не задерживалась надолго. Она часть коллекции. Экспонат. Но почему тогда это не пугало? Почему внутри разливалось странное, почти тёплое чувство?

— Ты говоришь это так, будто я вещь.

— Нет, - он повернулся, и разные глаза встретились с её. - Вещи не спорят, не благодарят замок и не гладят моих теней.

Уголки губ дрогнули:

— Ты заметил.

— Я замечаю всё.

Пауза затянулась. Тени на стенах колыхались безмолвными свидетелями. Река под полом текла своим чередом. А потом Архивариус сделал то, чего гостья не ожидала: протянул руку ладонью вверх так же, как в спальне после эксперимента и замер в ожидании.

— На сегодня достаточно, - произнёс он. - Ты прошла проверку.

— Я её проходила? - она вложила ладонь в его, чувствуя знакомый холод. - А если бы не прошла?

— Тогда ты была бы в шаре, а не здесь.

— Утешает.

Пальцы чуть сжались, самую малость, на долю секунды. И Алисии показалось, что это значило куда больше.

— Завтра, - сказал он, отпуская её руку, - ты получишь доступ в библиотеку, в закрытые секции. Там есть тексты, которые объяснят многое из того, что ты видела сегодня.

— Ты разрешаешь?

— Ты заслужила.

Он развернулся и двинулся обратно к трону, высокий силуэт на фоне тысяч хрустальных шаров. Гостья проводила его взглядом и повернувшись, пошла к выходу. У арки тени сомкнулись за её спиной, отрезая зал, но не раньше, чем до слуха донёсся тихий голос:

— И Алисия...

Она обернулась.

— Ты не экспонат. Ты исключение.

***

Обратный путь занял меньше времени. У двери в спальню гостья остановилась и обернулась к теням.

— Спасибо, - сказала она. - За то, что показали тогда, в круглой комнате. Без этого я бы, наверное, не выдержала сегодня.

Тени качнулись, все разом.

В спальне было тепло. Камин горел ровным серебряным пламенем, на столе ждал ужин, а на подушке лежал свёрток. Алисия развернула его и обнаружила мягкие тапочки из тёмно-серой шерсти, подбитые чем-то пушистым.

— Замок, - прошептала она, - ты балуешь меня.

Серебряные прожилки на потолке мигнули в ответ.

Позже, сидя с дневником у камина, она записала:

*«Тронный зал. Главная коллекция. Тысячи шаров амфитеатром вокруг трона. Он показал трёх: короля-тирана (справедливо); женщину, отдавшую страх добровольно (печально), и... меня. Моя смерть в семилетнем возрасте хранится здесь двадцать лет. Назвал "исключением". Спросить себя: что я чувствую? Не страх. Скорее странное спокойствие от того, что кто-то хранил меня задолго до моего прихода. Завтра библиотека. Закрытые секции.».*

Она закрыла дневник и посмотрела на тени в углах.

— Вы знали? - спросила она тихо. - Про шар, что я часть

коллекции?

Тени промолчали, что уже сходило за ответ.

И Алисия Вэллс, лучший этнограф своего поколения, единственная смертная, пережившая Бездну, улыбнулась в темноту.

# Глава 8. «Мне не страшно»

*Замок Бездны. Вечер того же дня.*

После возвращения из Тронного зала Алисия долго не могла найти себе места.

Спальня, ещё утром казавшаяся почти уютной, теперь ощущалась тесной. В голове всё ещё звучал низкий голос Архивариуса: *«Ты часть коллекции. Я хранил тебя задолго до того, как ты назвала моё имя»*. А перед глазами стоял маленький хрустальный шар с девочкой внутри, умирающей на кровати под стук дождя.

Она расхаживала по комнате от стены к стене и босые ступни утопали в ковре. Тени провожали её взглядами, но не вмешивались. Кажется, они понимали, что ей нужно время.

— Часть коллекции, - пробормотала она в третий раз, пробуя слова на вкус. - Экспонат.

И всё же что-то не сходилось. Экспонаты не получают доступа в библиотеку и уж точно не говорят: *«Ты исключение»*.

Тени у изножья кровати колыхнулись, словно подтверждая эту мысль.

Алисия остановилась у стола. Дневник лежал раскрытым на последней записи, и свежие чернила поблёскивали в свете камина. Перечитала написанное час назад и поморщилась. Слишком сухо. Слишком по-научному. Как будто она пы-

талась спрятаться за терминами от того, что действительно чувствовала.

Рука сама взяла перо. Обмакнула в чернильницу и замерла над бумагой, а затем вывела на чистой странице всего одну фразу:

*«Мне не страшно».*

Перо замерло. Она смотрела на эту короткую фразу и чувствовала, как внутри что-то медленно отпускает. Не страх, его не было с семи лет. А напряжение, которое она носила в себе все эти дни, сама того не замечая. Напряжение от ожидания: когда же наконец станет страшно? Когда дрогнет сердце? Когда захочется бежать?

В дверь постучали.

Алисия отложила перо и обернулась. Стук был робким. Так мог стучать только один обитатель замка.

— Войди, Хлоп.

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова бесёнка. Жёлтые глаза обшарили комнату: цела ли гостья, на месте ли, не лежит ли без чувств. И только убедившись, что всё в порядке, Хлоп протиснулся внутрь целиком. В руках он держал поднос, на котором исходила паром чашка и лежала горка печенья.

— Я подумал, вам надо, - сообщил он, устанавливая поднос на стол. - После Тронного зала всегда надо. Тени говорят, вы долго там были. Я ждал в коридоре, но меня прогнали. Сказали - не мешай. Я и не мешал. Я просто сидел. Я не

считал сколько именно, но у меня хвост затек.

— У тебя нет хвоста.

— Значит, затекло что-то другое, - бесёнок шмыгнул носом. - В общем, я принёс чай и это печенье. Замок испёк. Он, кажется, волнуется.

Алисия взяла чашку. Чай был горячим, с привкусом мяты и ещё каких-то незнакомых трав. Сделала глоток и почувствовала, как напряжение окончательно уходит из плеч.

— Спасибо, - сказала она. - И замку, и тебе.

— Мне-то за что? - Хлоп присел на край кресла, свесив босые ноги. - Я только принёс. Это замок всё делает, а я так, бегаю туда-сюда. У меня должность такая. Ну, неофициально.

— А ты знаешь, зачем он показывал мне коллекцию?

Бесёнок задумался. Дым на его голове сменил очертания, из торчком стоящего стал задумчиво-вихрастым.

— Ну... - протянул он, - хозяин странный. Он три тысячи лет никому не показывал шары. Вообще. Ну, кроме тех случаев, когда... - осёкся и сглотнул.

— Когда создавал новый?

— Ага. Тогда да, но это другое. А чтобы вот так, пригласить, показать, дать посмотреть... - Хлоп покачал головой. - Не было такого. Ни разу. Тени говорят, вы особенная. Они мне каждый день говорят: «*Она особенная, Хлоп, ты уж постарайся, не напугай её, не урони ничего, не хлопай слишком громко*». Как будто я могу не хлопать. Я всегда хлопаю. Это

моя суть.

Алисия задумчиво отпила ещё глоток. Особенная. Исключение. Часть коллекции, но не экспонат.

— Хлоп, - сказала она, - а ты боишься его?

Бесёнок вздрогнул так сильно, что дым на голове встал дыбом.

— Конечно! Все боятся! Я боюсь, Найя боится, тени боятся, даже замок боится, хотя он просто замок. Его все боятся. Потому что он Архивариус. Он хранит смерть. Он...

— А я нет, - перебила она.

Хлоп замолчал. Жёлтые глаза уставились на собеседницу с выражением, в котором смешались ужас, восхищение и что-то ещё, похожее на робкую надежду.

— Я знаю, - прошептал он. - Тени говорят, что когда он показывал шары, ваше сердце билось ровно. Даже когда он показал ваш собственный шар. Это... это неправильно, но хорошо-неправильно. Понимаете?

— Понимаю.

— И ещё, - бесёнок придвинулся ближе и заговорил совсем тихо, - тени говорят, что когда вы ушли из зала, хозяин ещё долго сидел на троне и смотрел на тот шар. Маленький, с девочкой. И татуировки у него стали такого цвета, как будто... ну...

— Как будто ему весело?

— Нет, - Хлоп мотнул головой. - Как когда вспоминаешь что-то важное.

В комнате повисла тишина. Даже пламя в камине притихло, словно прислушиваясь. Алисия смотрела на бесёнка, а видела другое: высокую фигуру на троне, склонённую над хрустальным шаром с семилетней девочкой внутри.

— Он сказал, что я исключение, - тихо произнесла она.

— Ого, - выдохнул Хлоп. - Это... это очень. Хозяин никогда никого так не называл. Он вообще не любит исключения. Они нарушают порядок, а он любит порядок. Всё должно быть по местам: шары в ячейках, тени в углах, страх в сердцах. А вы... вы всё нарушаете, но ему нравится. Я вижу.

— Как ты можешь видеть? Ты же прячешься от него.

— Я прячусь, но я смотрю! - возмутился бесёнок. - У меня работа такая: смотреть и докладывать. Только я не докладываю, потому что если я доложу то, что вижу, он меня... ну, в общем, я не докладываю.

— А что ты видишь?

Хлоп замялся, а дым на его голове закрутился спиралью.

— Я вижу, - начал он медленно, - что когда вы рядом, хозяин теплеет. Не физически, конечно, он всегда холодный, как лёд. Но внутри. Татуировки у него светлеют. И он... он смотрит на вас дольше, чем на других. На других он вообще не смотрит, только если убить собирается. А на вас – постоянно, особенно когда не видите.

Алисия отставила чашку и подошла к окну.

— Когда я была маленькой, - заговорила она, не оборачиваясь, - отец учил меня чинить часы. Говорил: «*Смотри,*

*Алисия, вот эта шестерёнка - сердце. Если она сломается, время умрёт*». Я спрашивала: «*А что будет, если время умрёт?*» А он отвечал: «*Ничего. Просто всё остановится и тогда мы наконец увидим, что было до начала*». Я не понимала, а теперь...

Она повернулась к бесёнку и посмотрела ему прямо в глаза.

— Теперь я знаю то, что было до начала, вот оно. - Гостья обвела рукой стены замка. – Пустота, а в ней Архивариус, который ждал меня.

Хлоп молчал. Впервые за всё время он не тараторил, не размахивал руками, не хлопал. Просто сидел в кресле, серый комок дыма и паники, и смотрел на неё с выражением, которое меньше всего ожидаешь увидеть на лице бесёнка.

С пониманием.

— Вы поэтому не боитесь? - спросил он тихо. - Потому что знали? Знали, что он ждёт?

— Я не знала, я чувствовала.

Ответ повис в воздухе. Алисия вернулась к столу, взяла дневник и дописала под фразой «Мне не страшно» ещё одну строку:

*«Мне спокойно. Так спокойно, как не было с детства. Я не знаю, что это - искра Пустоты, связь, судьба? Но я знаю, что здесь моё место. Не в клетке. Не в коллекции. Просто здесь».*

Бесёнок сполз с кресла и на цыпочках подошёл к столу.

Заглянул в дневник без спроса, но с таким благоговением, что она не стала его одёргивать.

— Вы это ему покажете? - шёпотом спросил Хлоп.

— Когда-нибудь.

— А он... он что-нибудь вам говорил? Ну, кроме того, что вы исключение?

Алисия вспомнила тронный зал. Шары, горящие вокруг амфитеатром. Свою смерть в хрустале. И его голос: *«Я хранил тебя задолго до того, как ты назвала моё имя»*.

— Он сказал, что я часть коллекции, - произнесла она. - Но добавил, что я исключение. И ещё... - гостья помедлила, - он сказал, что замечает всё.

— Ого, - выдохнул Хлоп. - Это... это так по-архивариусски. У него все слова такие: холодные, но значат больше, чем кажется. Я за триста лет научился понимать. Когда он говорит «несносный элемент» - это значит «я тебя пока не убил». Когда говорит «любопытно» - это значит «продолжай». А когда говорит «исключение»...

— Что?

Бесёнок посмотрел на неё снизу вверх, и в жёлтых глазах блеснуло что-то, похожее на слёзы.

— Это значит «я тебя выбрал». Он никогда никого не выбирал. Никогда.

В комнате снова стало тихо. Пламя в камине горело ровным серебряным светом. Тени на стенах замерли, как зрители в финале пьесы. Алисия закрыла дневник и прижала его

к груди.

— Спасибо, Хлоп, - сказала она. - Ты хороший друг.

Бесёнок всхлипнул. Дым на его голове задрожал и рассыпался мелкими искрами, но тут же собрался обратно.

— Меня никогда не называли другом, - прошептал он. - Никогда. За триста лет. Только «элемент», «помеха», «бесполезный» и «отойди, Хлоп, ты мешаешь».

— Значит, пора начать.

Он шмыгнул носом и выпрямился. Впервые за всё время в его осанке появилось что-то, напоминающее гордость.

— Я пойду, - сказал он. - А то тени волнуются, когда я долго в одном месте. Они говорят, что от меня рябь, но я ещё приду. Можно?

— Можно.

У двери бесёнок обернулся:

— А завтра вы идёте в библиотеку? В закрытые секции?

— Да. Он разрешил.

— Ого, - Хлоп покачал головой. - Закрытые секции. Даже я там не был. Ну, был, но меня выгнали. Сказали: не твоего ума дело. А у меня ум есть, просто он... другой. Специфический.

— Я расскажу тебе, что найду, - пообещала Алисия.

— Правда? - жёлтые глаза вспыхнули. - Тогда я принесу печенье. Много печенья. И чай. И, может быть, замок испечёт пирог. Он умеет пироги, я точно знаю, просто раньше было не для кого.

Дверь закрылась. Гостья осталась одна, если можно назвать одиночеством присутствие десятка теней, которые теперь располагались по всей комнате, как молчаливая свита.

Она села к камину и долго смотрела в серебряное пламя. Мысли текли медленно и спокойно. Впервые за много лет ей не нужно было анализировать, записывать, систематизировать. Достаточно было просто быть. Просто чувствовать.

Засыпая, она услышала знакомый шёпот Пустоты, которая выбрала её задолго до того, как она узнала своё предназначение.

— Ты вернулась, - говорил шёпот. - Ты назвала имя. Ты наша.

— Я знаю, - ответила она, проваливаясь в сон. - Я не боюсь.

# Глава 9. Условия содержания

*Замок Бездны. Утро следующего дня.*

Пробуждение принесло с собой трезвую, холодную ясность, какая бывает после долгой ночи размышлений.

Алисия села на кровати и откинула балдахин из теней. Те послушно разошлись, открывая комнату, залитую привычным полумраком. Утро встретило гостью чашкой горячего чая на тумбе, тёплыми тапочками у кровати и насыщенной тишиной.

Но сегодня всё это не успокаивало. Сегодня внутри зрела решимость.

За последние дни Архивариус успел сделать несколько широких жестов. Показал главную коллекцию. Назвал исключением. Пообещал доступ в закрытые секции библиотеки. Вчера вечером Хлоп, захлёбываясь восторгом, поведал, что хозяин «выбрал» её. И где-то глубоко внутри, Алисия чувствовала: это правда. Но выбор - палка о двух концах. Если тебя выбрали, ты тоже имеешь право голоса. Или ты не избранная, а просто удобная.

Гостья допила чай и поднялась. Оделась в дорожную рубашку и брюки - привычную броню, в которой она чувствовала себя не просто девушкой, попавшей в чужой мир, а учёной, исследовательницей. Серебряная спица легла в волосы.

У двери девушка остановилась и посмотрела на тени, выстроившиеся вдоль стен.

— Вы знаете, где он, - произнесла она.

Старшая из теней скользнула вперёд и качнулась в подобии кивка.

— Ведите. Разговор есть.

Тени переглянулись между собой, если можно так назвать безмолвный обмен колебаниями, и двинулись в коридор.

***

Кабинет Архивариуса встретил знакомым холодом и светом хрустальных шаров.

Хозяин сидел за рабочим столом, склонившись над свитком. Чёрные волосы были распущены, одежда - простая, домашняя: рубашка с открытым воротом, обнажающая линии на коже. В кабинете царил порядок, нарушаемый лишь одним: на углу стола лежал раскрытый дневник гостьи, и рядом перо, которым он, судя по всему, только что делал пометки.

— Ты рано, - произнёс Вал'Тирион, не поднимая глаз.

— Ты читаешь мой дневник, - ответила она вместо приветствия. - Мы договаривались, без спроса нельзя.

— Я читаю с разрешения, - длинные пальцы перевернули страницу. - Ты оставила его открытым на столе вчера вечером. Это можно счесть за приглашение.

— Я оставила его открытым, потому что заснула, а не приглашала.

— Сложно провести границу.

Алисия прошла вглубь комнаты и остановилась у шкафа с шарами. Пальцы скользнули по холодному стеклу ячеек.

— Я пришла не спорить о дневнике, - сказала она, поворачиваясь. - Я пришла обсудить условия.

Вал'Тирион поднял голову. Взгляд остановился на гостье и в их глубине мелькнуло нечто похожее на интерес.

— Условия? - переспросил он.

— Моего пребывания здесь. Ты сам сказал, что я исключение, но пока что исключение выглядит так: меня приводят в комнату, меня провожают на кухню, меня приглашают к трону и меня испытывают ночью без предупреждения. Я хочу это изменить.

Архивариус отложил перо и выпрямился в кресле. Теперь внимание его было полным, она чувствовала это кожей.

— Говори, - произнёс он.

— Первое, - Алисия шагнула ближе, - свобода передвижения. Я хочу ходить по замку без сопровождения. Если я захочу в библиотеку, я иду в библиотеку. Я отказываюсь быть птицей в клетке, даже если клетка красивая.

— Второе, - она загнула палец, - вести извне. Мой наставник, профессор Грейвз. Команда - Джейкоб, Келлан, Томас. Они были со мной в экспедиции, когда ты меня забирал. Я хочу знать, что с ними. Хочу знать, что происходит в мире Яви. Тени докладывают тебе обо всём, пусть рассказывают и мне.

— Третье, - палец загнулся снова, - никаких экспериментов без моего согласия. Ты пришёл ночью и испытал мой страх. Результат тебя устроил, но в следующий раз ты спрашиваешь, я имею право отказаться. Не собираюсь быть лабораторной мышью или экспонатом, даже если моя смерть хранится в твоём шкафу.

Тишина после этих слов сгустилась до звона. Алисия стояла прямо, глядя в разноцветные глаза, и не отводила взгляда. Сердце билось ровно, даже руки не дрожали.

Вал'Тирион молчал. Татуировки на его лице бежали быстрее обычного. Он медленно поднялся из-за стола и комната сразу стала меньше. Высокая фигура нависла над гостьей, но та не отступила.

— Ты требуешь, - произнёс он. Голос звучал низко, но без угрозы.

— Требую.

— Никто не требовал от меня ничего три тысячи лет.

— Значит, пора начать, - она повторила вчерашние слова, сказанные Хлопу, и уголки её губ дрогнули. - Ты назвал меня исключением. Исключения не живут по общим правилам, они устанавливают свои.

Пауза растянулась на несколько ударов сердца. Затем Архивариус сделал то, чего посетительница не ожидала - склонил голову. Не в поклоне, а в жесте, который означал признание: противник сделал ход, заслуживающий ответа.

— Первое, - заговорил он, и интонация выдавала в нём

существо, привыкшее к договорам древнее человеческих законов, - свобода передвижения. Ты получишь её. Замок будет открывать перед тобой все двери, кроме тех, что ведут в глубинные слои Пустоты. Туда ты не пойдёшь без меня. Это не условие - это мера безопасности. Искра Пустоты в тебе спит, но нестабильна. Глубины могут разбудить её так, как ты не хочешь.

Алисия кивнула.

— Второе, - продолжал хозяин кабинета, - вести из Яви. Тени следят за границами и видели твоего наставника. Профессор Грейвз вернулся в Университет. Он жив. Команда разошлась по домам, получив плату. Церковь объявила тебя пропавшей, но пока не проклятой. Это всё, что известно на сегодня, дальнейшие известия будут сообщаться тебе по мере поступления.

Услышав о Грейвзе, гостья выдохнула. Не пострадал. Старый профессор жив, это было важнее всего.

— Третье, - Архивариус сделал шаг, сократив расстояние между ними до минимума, - эксперименты. Ты права. Ночной визит был проведён без предупреждения. Приношу...

Он запнулся. Слово далось с видимым трудом, как будто его выталкивали из горла против воли.

— ...извинения.

Алисия моргнула. Древнее зло перед ней извинялось. Где-то в углу тени беззвучно колыхнулись. Видимо, для них это было таким же шоком, как и для неё.

— Впредь, - продолжил Вал'Тирион, и татуировки на его скулах вспыхнули, - я буду спрашивать. Это не значит, что я не буду проверять твои границы. Я наставник - ты ученица. Проверки неизбежны, но о каждой ты будешь знать заранее.

— Принято.

— Взамен, - произнёс он, и голос приобрёл знакомую властность, - ты будешь делать все, что я скажу на «уроках». Искра Пустоты должна быть взята под контроль. Ты не станешь уклоняться от занятий. Ты не будешь рисковать собой без необходимости. И ты...

Он помедлил.

— ...ты не уйдёшь из замка без моего ведома. Не потому, что ты пленница. Потому что за границей Изнанки тебя ждут те, кто хочет использовать искру в своих целях.

Алисия задумалась. Последнее звучало как ограничение, но она не могла не признать его правоты.

— Согласна, - сказала она наконец. - Но у меня есть ещё одно условие.

— Слушаю.

— Библиотека. Ты обещал доступ в закрытые секции ещё вчера. Я хочу, чтобы это обещание было выполнено сегодня. Не «когда сочтёшь нужным», а сейчас.

Татуировки на лице Архивариуса дрогнули, кажется, он ожидал этого.

— Ты торгуешься, как купец с южного побережья, - заметил он, и в голосе слышалась ироничная насмешка.

— Я торгуюсь как этнограф, который десять лет искал знания, а теперь оказался в одном замке с крупнейшим архивом за всю историю и до сих пор не получил к нему полного доступа. Это называется не «купец», а «профессионал».

— Допустим.

— Так что?

Вал'Тирион вернулся к столу и взял перо. Затем развернул чистый свиток, написал несколько строк на Древнем Наречии и протянул посетительнице.

— Это пропуск, - пояснил он. - Запечатанный моей волей. Покажешь его дверям закрытых секций, они откроются. Без пропуска ни один смертный не войдёт в эти залы.

Алисия взяла свиток. Пергамент был холодным, а символы на нём мерцали серебром.

— Почему ты даёшь мне это? - спросила она, поднимая глаза. - Не проще было отказать? Запереть в комнате? Поставить эксперимент, не спрашивая?

Архивариус смотрел на неё долгим, изучающим взглядом.

— Потому что ты первая, кто попросил, - сказал он наконец. - Ты не боишься и не молишь. Ты требуешь. Это ново и... любопытно.

— И всё?

— И ещё, - татуировки на его скулах вспыхнули, - ты назвала моё имя с правильной интонацией. Это стоит определённых привилегий.

Алисия свернула свиток и убрала за пояс. Затем, повину-

ясь внезапному порыву, шагнула ближе и протянула руку для пожатия, как равная равному.

— Тогда договорились, - сказала она.

Архивариус посмотрел на протянутую ладонь, на человеческий жест, которого не видел тысячелетиями. Он медленно, словно вспоминая забытый ритуал, вложил свои длинные пальцы в её.

Холод обжёг кожу, но на этот раз иначе. В нём было что-то похожее на осторожное, ещё не осознанное тепло.

— Договорились, - произнёс он.

У двери Алисия обернулась:

— И ещё кое-что.

— Слушаю.

— Ты можешь иногда читать мой дневник, когда я сама его оставлю на столе, но комментарии на полях, пожалуйста… продолжай. Мне нравится, как ты споришь с моими выводами.

Впервые за всё время уголок его губ дрогнул, в чём-то похожем на улыбку.

— Учту, - сказал Архивариус Бездны.

И дверь растворилась за спиной посетительницы.

***

В коридоре гостью ждали тени. Все три проводницы выстроились в ряд, и старшая скользнула вперёд, словно спрашивая: «*Ну что*?»

— Всё хорошо, - Алисия показала свиток. - У меня теперь пропуск и свобода передвижения.

Тени качнулись, на этот раз, кажется, с одобрением.

— А теперь, - она улыбнулась, - ведите меня в закрытые секции библиотеки. У меня там десять лет нечитанных книг и один Архивариус, который ждёт моих вопросов.

И тени потекли вперёд, указывая путь.

А в голове промелькнула мысль: *«Имя "Вал'Тирион" было длинным, торжественным и неудобным для быстрых фраз. Когда-нибудь она придумает, как его сократить, но не сегодня».*

# Глава 10. Библиотека Бездны

*Замок Бездны. День получения пропуска.*

Едва дверь кабинета Архивариуса растворилась за спиной, как Алисия уже разворачивала свиток с серебряной печатью, даровавший доступ в закрытые секции. Пальцы подрагивали, и она не сразу поняла, что это не холод замка, а нетерпение. Чистое, жадное, почти детское нетерпение, какого она не испытывала с тех пор, как ещё девочкой впервые переступила порог университетской библиотеки.

Тени выстроились вдоль коридора и замерли, ожидая приказа. Старшая из них качнулась и коснулась свитка, проверяя подлинность. Серебряная вязь вспыхнула, и по коридору прокатился низкий, неслышный уху гул. Доступ открыт.

— Ведите, - выдохнула Алисия, и голос прозвучал хрипло от волнения. - В закрытые секции, сейчас же.

Три проводницы переглянулись и потекли вперёд, указывая путь.

***

Библиотека Замка Бездны находилась не там, где гостья ожидала.

За прошедшие дни она успела изучить ту часть книжного собрания, что была открыта без пропуска: высокий зал с

колоннами, где книги парили под потолком и перешёптывались о древних временах. Та библиотека поражала воображение, но оставалась лишь преддверием парадной гостиной, куда «пускали всех». Настоящее хранилище знаний лежало глубже.

Коридор уводил вниз. Воздух менялся: холоднее, суше, с привкусом древней пыли и ещё чего-то неуловимого… то ли озона, то ли тлена.

Спуск занял не меньше четверти часа. Ступени кончились внезапно, и перед путницей распахнулся короткий проход, заканчивающийся дверью. В центре темнел тот же знак, что и на свитке: спираль, уходящая в точку.

— Здесь.

Тени замерли у порога, дальше им хода не было или же они сами не желали вторгаться в это место. Старшая проводница скользнула к двери и указала на спираль, давая понять: *приложи пропуск*.

Свиток лёг в центр знака. Серебряные строки на пергаменте вспыхнули, и дверь дрогнула и тут же растаяла. За ней обнаружился не коридор и не зал, а нечто совершенно иное.

Пространство, не подчинявшееся законам физики.

Алисия перешагнула порог и замерла, забыв сделать вдох.

Библиотека Бездны уходила вниз и вверх одновременно. Галереи громоздились одна над другой, соединяясь лестницами, которые висели в воздухе без опор; мостики из застывшего света перекидывались между стеллажами; винто-

вые переходы обвивали колонны толщиной с башню.

Книги здесь не просто стояли на полках. Они двигались. Перемещались с места на место. Некоторые фолианты висели в воздухе, раскрытые, и страницы их переворачивались сами собой.

А запах… он сводил с ума. Пыль веков и кожа переплётов, воск и чернила слились для Алисии в один аромат, который она узнала бы из тысячи, потому что так пахнут знания.

Она стояла у входа, прижав ладони к груди и не могла двинуться с места. В горле стоял ком. Глаза щипало. Это не было страхом, страха здесь не существовало. Это было благоговение.

— О Боги, - прошептала гостья.

— Богов здесь нет, - раздался голос за спиной. - Только я.

Обернувшись, Алисия обнаружила Архивариуса в нескольких шагах от входа. Когда он успел спуститься - загадка. Возможно, он был здесь с самого начала. Возможно, пришёл следом. А может, просто замок перенёс.

Хозяин стоял, прислонившись плечом к колонне, и наблюдал за гостьей.

— Ты пришёл.

— Ты впервые вошла в закрытые секции, я хотел видеть это.

— Видеть что?

Вал'Тирион помедлил, подбирая слово.

— Твой восторг.

Алисия хотела ответить, но голос предательски дрогнул. Эмоции переполняли слишком сильно и остро. Она отвернулась и шагнула вглубь библиотеки, надеясь, что движение скроет навернувшиеся на глаза слёзы.

— Здесь... - выдохнула она, идя вдоль ближайшего стеллажа. - Сколько здесь книг?

— Все, - ответил Архивариус, не двигаясь с места. - Всё, что было написано, сказано, подумано или угадано за время существования миров. Явь, Изнанка, Пустота - все знания стекаются сюда. Не сразу и не всегда, но рано или поздно каждая важная мысль находит путь в этот зал.

— Каждая? - пальцы замерли на корешке ближайшего фолианта, не решаясь прикоснуться.

— Каждая, которая имела значение. Труды богословов и еретиков. Дневники королей и безумцев. Карты несуществующих земель. Рецепты ядов и противоядий. Пророчества, которые сбылись, и те, что не сбудутся никогда. Всё это здесь.

Посетительница медленно двинулась вперёд, заворожённо оглядывая полки. Вот трактат по алхимии на давно мёртвом языке, она узнала символы, но не могла прочесть без словаря. Вот атлас созвездий, которых не видел ни один астроном Яви, звёзды в нём двигались, перетекая из одного узора в другой. Свиток, запечатанный восковой печатью с гербом дома Роз - того самого, чья наследница отдала свой страх Архивариусу добровольно.

— Ты хранишь не только страхи, - прошептала Алисия. - Ты хранишь всё.

— Я хранитель, - поправил Вал'Тирион. - Страх моя коллекция, знания моя обязанность.

— И ты даёшь мне доступ к этому? - она повернулась к нему, и в голосе звучало искреннее изумление. - Ко всему?

— Не ко всему. Есть секции, закрытые даже для пропуска. То, что опасно для смертного разума. То, что убивает самим прочтением. И то... - он запнулся. - что касается моего прошлого.

— Твоих хроник, - догадалась гостья.

— Да.

— Но остальное?

— Остальное твоё. Читай, изучай, если нужно задавай вопросы.

Девушка нежно провела ладонью по корешкам. Кожа переплётов была тёплой. Страницы под пальцами вздрагивали, словно приветствуя новую читательницу.

— Я мечтала об этом, - произнесла Алисия. - С первого дня в Университете. С первой книги, которую дал мне Грейвз. Найти место, где собрано всё, где нет запретных тем, где можно спрашивать и получать ответы. Я думала, такого места не существует.

— Оно существует, - ответил Архивариус. - Ты стоишь в нём.

Пауза затянулась. Она смотрела на бесконечные галереи,

терявшиеся в серебристой дымке, и чувствовала, как внутри что-то медленно, неотвратимо становится на место.

— Можно мне... - она облизнула губы, подбирая слова. - Можно остаться здесь? На несколько часов? Или дней?

Вал'Тирион склонил голову набок. Татуировки на его скулах дрогнули, кажется, вопрос позабавил его.

— Ты свободна оставаться здесь столько, сколько пожелаешь, - сказал он. - Замок принесёт еду и воду. Тени проследят, чтобы ты не заблудилась, но есть одна просьба.

— Какая?

— Не открывай книги, запечатанные серебряной нитью. Они содержат знания, для которых твой разум ещё не готов. Когда будешь готова, я скажу.

— Договорились.

Она отвернулась к стеллажам и потянулась к первому попавшемуся фолианту: толстому, в потёртом переплёте, с выцветшим названием на Древнем Наречии. Пальцы дрожали. Сердце колотилось где-то в горле.

— И ещё, - прозвучал голос за спиной. - Когда начитаешься... найди меня. У меня есть для тебя кое-что.

Алисия обернулась, но Архивариус уже исчез. Только тени у входа колыхнулись, складываясь в подобие поклона.

***

Время в библиотеке текло иначе.

Алисия поняла это, только когда, оторвавшись от третьего

по счёту трактата, заметила, что серебряное свечение стен стало глубже. Прошло несколько часов. Возможно, больше, внутренние часы сбились от переизбытка впечатлений.

Глаза устали, но разум требовал продолжения. Вокруг лежали раскрытые книги: «История культов Пустоты», «Этимология Древнего Наречия», «Картография Изнанки»… тома, которые в Университете считались утерянными или уничтоженными Церковью. Здесь они стояли на полках как ни в чём не бывало.

В углу, на небольшом столике, возник поднос с чаем и печеньем. Рядом с подносом обнаружилась записка, нацарапанная нетвёрдым почерком на обрывке пергамента:

*«Госпожа Вэллс, я принёс чай, но вы не заметили. Вы читали и шевелили губами. Я поставил поднос и ушёл, потому что тени сказали не мешать, что вы трансе. Я не знаю, что такое транс, но выглядит страшно. Возвращайтесь скорее, а то хозяин ходит туда-сюда по коридору и делает вид, что не ждёт. - Хлоп».*

Алисия улыбнулась и отложив записку, взяла чашку. Чай был горячим, с привкусом мяты и мёда… именно такой, какой она любила.

В голове роились мысли, слишком много мыслей. Требовался дневник. Девушка достала его из-за пояса и раскрыла на чистой странице. Перо заскрипело:

*«Закрытые секции библиотеки Бездны. Масштаб не поддаётся описанию. Книги движутся, говорят, живут. Архи-*

*вариус назвал это "обязанностью" - хранить знания всех миров. Примечание: он пришёл посмотреть на мой восторг. Вопрос: что он чувствовал, наблюдая за мной? Ответа пока нет. Продолжить наблюдения».*

Она перечитала написанное и добавила на полях:

*«P.S. Хлоп оставил записку. Архивариус ходит по коридору и "делает вид, что не ждёт". Объект В. демонстрирует признаки... привязанности? Термин требует уточнения».*

***

Она нашла его в галерее над главным залом.

Архивариус стоял у прозрачного участка стены, за которым текла река из звёздной пыли. Руки скрещены на груди, чёрные волосы распущены. Заслышав шаги, он не обернулся.

— Ты пробыла там семь часов, - произнёс Вал'Тирион.

— Семь часов? - она встала рядом, глядя в звёздную реку. - Мне показалось три.

— Время в библиотеке течёт иначе. Это защита, смертный разум не выдерживает бесконечного чтения. Замок замедляет часы, чтобы дать тебе отдых.

— Удобно.

— Практично.

Повисла пауза. Река мерцала, и в её глубине рождались и умирали вселенные.

— Ты говорил о чём-то для меня, - напомнила Алисия.

— Да.

Он повернулся, и девушка заметила, что в руках у него что-то лежит. Небольшая книга, в тёмно-сером переплёте, с серебряным тиснением по корешку.

— Это не часть моей коллекции, - произнёс Архивариус. - Я создал её сегодня.

— Создал? - брови гостьи поднялись. - Ты пишешь книги?

— Иногда. Эта для тебя.

Она протянула руку и взяла том. Переплёт был прохладным, приятным на ощупь, как старая кожа. На обложке, прямо под серебряным тиснением, темнела надпись на Древнем Наречии: «Начала Пустоты». А ниже посвящение: «Той, кто не боится».

— Это учебник, - сказал Вал'Тирион. - Основы магии Пустоты. То, чему я собирался учить тебя, теперь изложено здесь. Систематизировано и адаптировано для смертного восприятия.

Она открыла книгу. Страницы были плотными, заполненными тем же угловатым почерком, что и комментарии на полях дневника. Главы, параграфы, сноски - всё как в настоящем научном труде.

— Ты написал учебник, - прошептала Алисия.

— Ты учёная, тебе проще учиться через текст. Я наблюдал за тобой достаточно, чтобы понять это.

В горле встал комок. Она прижала книгу к груди, чувствуя, как тепло обложки проникает сквозь ткань рубашки.

— Спасибо, это... не знаю, что именно, но спасибо.

— Благодарность принята, - отозвался Архивариус, и татуировки на его скулах вспыхнули попыткой улыбнуться.

***

Вечером, уже в спальне, у камина, Алисия сидела с учебником на коленях и не могла заставить себя открыть первую страницу. Она словно хотела продлить этот момент трепета от того, что кто-то создал нечто специально для неё.

Хлоп, заглянувший пожелать спокойной ночи, увидел книгу и ахнул:

— Ого! Это же... он сам писал? Сам?! Хозяин не писал книг уже... да никогда не писал! Ну, то есть он писал хроники, но это другое, это для себя. А чтобы для кого-то - никогда. Ой.

Бесёнок прикрыл рот ладошкой, поняв, что сболтнул лишнее.

— Иди спать, Хлоп, - улыбнулась Алисия.

— Ага, - прошептал он и исчез с тихим хлопком.

Она открыла первую страницу. Там, под заголовком «Введение», темнели строки:

*«Магия Пустоты не заклинания, это воля. Ты не приказываешь тени, ты просишь. Ты не подчиняешь тьму, а становишься ею. Если ты готова к этому - читай дальше».*

Алисия провела пальцем по строке и улыбнулась.

— Я готова, - сказала вслух и серебряное пламя в камине

вспыхнуло ярче.

# Глава 11. Полевой дневник

Утро началось с настойчивого шёпота за дверью, причём такого громкого, что даже тени в углах зашевелились.

— Просыпайтесь! Просыпайтесь, ну пожалуйста! Я принёс такое, такое принёс! Вы себе не представляете, я сам не представляю.

Алисия открыла глаза и села на кровати. Балдахин из теней колыхнулся, раздвигаясь. За дверью, судя по звуку, Хлоп приплясывал на месте и его босые ступни шлёпали по каменному полу с ритмичностью дятла.

— Войди, - сказала она, подавив зевок.

Бесёнок прижимался лбом к двери, а затем ввалился в комнату вихрем серого дыма, жёлтых глаз и корзины вдвое шире его самого. Корзина зацепилась за косяк, он дёрнул её, издал сердитый хлопок и пошатнувшись, всё же удержался на ногах.

— Вот! - объявил он, водружая ношу на стол. - Всё, что вы просили! И даже больше! Потому что на рынке сегодня такой день - все торгуют, все кричат, яблоку негде упасть, а яблоки там, кстати, тоже есть. Сезон поздних ранних яблок. Я не разбираюсь, они просто вкусные.

— Хлоп, - Алисия накинула халат и подошла к столу, - ты вообще спал?

— А зачем? - жёлтые глаза уставились на неё с искренним недоумением. - Сон - это когда лежишь и ничего не делаешь, а я и так ничего не делаю, только бегаю. Бег - это как сон, только быстрее.

— У тебя очень своеобразная логика.

— Спасибо! Мне ещё никогда не говорили, что у меня есть логика.

Гостья заглянула в корзину и чего там только не было: яблоки с блестящей красной кожурой, буханка тёмного хлеба, кусок сыра в промасленной бумаге. Пучок сушёных трав, перевязанных бечёвкой. Маленький горшочек с мёдом или с тем, что на Изнанке называли мёдом. И поверх всего - свёрток из плотной бумаги, перевязанный чёрной лентой.

— А это что? - спросила Алисия, вынимая свёрток.

— Ой, - Хлоп шмыгнул носом и вдруг застеснялся. Дым на его голове задрожал и прижался к черепу. - Это... это вам от меня. Ну, не совсем от меня, мне помогли. Тени показали, где взять. Я только принёс с Изнанки. Там, на рынке, один переплётчик держит лавку - он дух, старенький уже, еле шьёт, но для меня делает скидку, потому что я когда-то спас его от злого беса, ну, не спас, а просто громко хлопнул и бес убежал...

— Ты принёс мне тетрадь с Изнанки? - перебила она, разворачивая бумагу.

— Ага, - бесёнок переступил с ноги на ногу. - Просто в Бездне нет переплётчиков. И бумаги нет, да и вообще ничего

человеческого нет, кроме того, что замок создаёт. А замок создаёт только то, что ему прикажет хозяин, а хозяин не приказывал тетрадей. Я подумал лучше с Изнанки, чем никак.

Алисия провела ладонью по гладкой обложке, а в горле что-то потеплело.

—Это прекрасно, - сказала она тихо. - Спасибо.

— Правда? - бесёнок просиял, и дым на его голове встал торчком, рассыпаясь мелкими искрами. - Тогда я пойду! Мне ещё надо отнести корзину обратно на рынок, а то переплётчик ждёт свою тару, он без неё не может, у него всё по таре разложено...

— Корзину обратно на рынок? Ты бегаешь туда каждый день?

— Ну да! - Хлоп пожал плечами. - А откуда ещё брать еду? В Бездне еда не растёт. Там рынок на границе миров, куда приходят торговцы из Яви, из Изнанки, даже из Пустоты иногда - те, что не боятся. Я там всех знаю и меня все знают, и никто не обижает, потому что я от Архивариуса. Скажешь «я от Вал'Тириона» и всё, тебе лучшие яблоки и скидка на сыр.

— Удобно, - усмехнулась Алисия.

— Очень удобно! - подтвердил бесёнок и исчез с тихим хлопком, не договорив фразу.

Девушка ещё мгновение смотрела на опустевшее место у стола, потом перевела взгляд на тетрадь и открыла первую страницу. Та была пуста, только в самом низу, мелкими

буквами на Древнем Наречии, темнела надпись: *«Для полевых заметок. Не открывать без разрешения (особенно тебе, Хлоп)»*.

Уголки губ дрогнули. Замок явно помнил надпись на обложке её старого дневника и воспроизвёл её в подарке бесёнка.

Она аккуратно отложила тетрадь и принялась за завтрак. Замок, наблюдавший за трапезой через тени, кажется, делал заметки. С каждым днём еда становилась всё более человеческой, или она сама привыкала к местной кухне.

Доев, Алисия достала старый дневник и раскрыла его, чтобы записать утренние события. Перо скользнуло по бумаге:

*«Хлоп принёс новую тетрадь. Замок продолжает подстраиваться под мои привычки: еда стала почти обычной. Вопрос: это забота Архивариуса или инициатива самого замка? Гипотеза: и то и другое. Замок - продолжение его воли, но в последнее время я замечаю, что тени действуют с большей самостоятельностью. Как будто они... привязываются? Слово требует уточнения»*.

Она перечитала написанное и уже собиралась закрыть дневник, когда дверь растворилась, и в комнату шагнул Вал'Тирион.

Сегодня он выглядел иначе. Не в домашней рубашке и не в парадном доспехе, в чём-то среднем: чёрный камзол с высоким воротом, серебряные пуговицы, волосы собраны в низ-

кий хвост. В руках он держал свиток, перевязанный знакомой чёрной лентой.

— Доброе утро, - произнесла Алисия, откладывая перо. - Ты сегодня рано.

— Ты не на кухне, - ответил он вместо приветствия. - Обычно в это время ты уже там.

— Решила позавтракать здесь, Хлоп принёс корзину с рынка.

— Я знаю, тени доложили.

— Конечно, доложили, - она усмехнулась. - Тени докладывают тебе обо всём. Даже о том, что я ем на завтрак.

— Хлеб с сыром и мёдом, - уточнил Архивариус. - И яблоко.

— Это уже не наблюдение, Вал. Это слежка.

Имя сорвалось с губ прежде, чем девушка успела его остановить. Короткое. Дерзкое. Совершенно не подходящее для обращения к древнему злу.

В комнате повисла пауза. Тени на стенах замерли. Пламя в камине прижалось к углям. Хозяин замка медленно повернул голову, и разноцветные глаза в гостью.

— Что ты сказала?

— «Вал», - повторила она, не отводя взгляда. - Это сокращение от «Вал'Тирион». Твоё имя длинное и торжественное, его удобно произносить на церемониях и когда объявляешь Крестовый поход, но в быту...

— В быту? - переспросил он, и в низком голосе проскольз-

нула интонация, которую Алисия ещё не слышала.

— В быту, - подтвердила она, - удобное короткое имя. Ты же не против?

— Против.

— Хорошо, Вал.

Татуировки на его скулах дрогнули. Пульсация ускорилась, сбилась с ритма, а затем, всего на мгновение, вспыхнула странным оттенком.

— Ты в курсе, что я не просто человек, и у каждого, кто слышит или даже думает о моем имени, кровь стынет в жилах?

—Ну а ты в курсе, что я тебя не боюсь. Да и вообще, в принципе, эта часть во мне отсутствует.

— Ты самый странный человек, которого я знал.

Алисия широко улыбнулась, и от этой улыбки тени в углах снова пришли в движение, словно выдыхая.

— Что у тебя в свитке? - спросила она, кивая на его руку.

Вал'Тирион помедлил, затем протянул его ей.

— Список, - сказал он. - Книги из закрытых секций, которые могут быть тебе полезны. Я составил его сегодня ночью.

Гостья взяла свиток и развернула. Строки на Древнем Наречии складывались в длинный перечень, на несколько десятков пунктов: трактаты по теории магии Пустоты, истории культов, словари мёртвых диалектов, исследования природы страха.

— Ты составил это для меня?

—Тебе нужна система. Без системы ты потеряешься в библиотеке и начнёшь читать всё подряд, что неэффективно.

— Спасибо.

— Принято, - коротко бросил Архивариус и развернулся к выходу.

— Вал, — окликнула она.

Он остановился, но не обернулся.

— Да.

— Приходи вечером на ужин. Я приготовлю что-нибудь из того, что принёс Хлоп. Посидим, поговорим. Просто... как двое, которые живут в одном замке.

Пауза растянулась на несколько ударов сердца.

— Хорошо, - произнёс он. - Я приду.

И вышел, оставив за собой холодный воздух и странное, тёплое чувство в груди той, что осталась у стола.

***

Вечер наступил незаметно, за чтением книг из списка время текло быстро. Алисия и не заметила, как прожилки на потолке сменили оттенок на вечерний. Пришлось спешно собираться на ужин.

Она спустилась на кухню, где очаг горел ровным серебряным пламенем, и разложила на столе нехитрые припасы. Готовить полноценный ужин не хватало времени, но устраивать пир и не требовалось.

Архивариус пришёл ровно тогда, когда что-то на подобии

чайника закипело. Вошёл бесшумно, как всегда, но на этот раз не встал у двери, а сел за стол напротив, как обычный человек в обычном доме.

— Ты удивлён? - спросила Алисия, разливая чай.

— Я не удивлялся три тысячи лет, - ответил он. - Но в последние дни это происходит всё чаще.

— Это хорошо или плохо?

— Я бы сказал - непривычно.

Она пододвинула к нему тарелку с хлебом и сыром. Он посмотрел на еду, как на неизвестный артефакт, затем взял кусок хлеба и осторожно попробовал. Второй укус последовал быстрее. Третий - почти с удовольствием.

— Скоро начнешь привыкать к человеческой еде, - заметила девушка.

— Я привыкаю к тебе, - отозвался он.

И это прозвучало как самое честное, что он говорил за всё время.

После ужина они сидели у камина в её комнате. Гостья читала вслух отрывки из трактата о природе страха, а хозяин слушал, изредка поправляя перевод. В один из таких моментов, когда она запнулась на сложном термине, а он поправил, не задумываясь, между ними возникла та особенная тишина, в которой слова уже не нужны.

— Знаешь, - сказала Алисия, откладывая книгу, - когда я только попала сюда, я думала, что Замок Бездны - самое одинокое место во всех мирах. А теперь...

— Что теперь?

— Теперь мне кажется, что он не одинокий. Просто он ждал.

Вал'Тирион ничего не ответил. Но когда она, засыпая уже глубокой ночью, приоткрыла глаза, то увидела: он всё ещё сидел у камина и смотрел на неё.

Позже, лёжа под балдахином из теней, она записала в дневнике:

*«Назвала его «Вал». Реакция: протест формальный, татуировки выдали иное. Составил для меня список книг. Пришёл на ужин. Сидел у камина, пока я засыпала. Кажется, Замок Бездны перестаёт быть просто замком и кое-кто перестаёт быть просто Архивариусом».*

# Глава 12. Найя нарушает молчание

*Замок Бездны. Библиотека.*

Тишина в библиотеке стояла такая глубокая, что Алисия слышала, как переворачиваются страницы за три стеллажа от неё. Перед ней лежали три раскрытых тома, стопка чистых листов для заметок, остывший чай и новый дневник, подаренный Хлопом. Старый дневник, с которым она прошла полмира и одну Бездну, покоился тут же, больше не основной инструмент, а памятник прежней жизни.

Сегодня она изучала «Этимологию Древнего Наречия» - четвёртый пункт из списка, составленного Архивариусом. Свиток с перечнем книг лежал рядом, и напротив каждого названия Алисия уже поставила крохотную галочку. Темп её устраивал, хотя внутренний голос, доставшийся в наследство от Грейвза, нашёптывал: *«Не гонись за количеством, Вэллс, знания любят медленных».*

Она подняла кружку, обнаружила, что чай остыл, и рассеянно поставила обратно. Взгляд скользнул по строчке: *«Корень "тир-" обозначал не просто нить, а скорее натяжение, связь между двумя точками, находящимися в противостоянии. Со временем значение сместилось в сторону "моста" или "перехода", однако изначальный смысл сохранился в ритуальных формулах культа Пустоты»* .

— Нить, натянутая между двумя точками, - прошептала она. - Мост. Связь.

Имя «Вал'Тирион» складывалось теперь в более полную картину. «*Вал*» - хранилище. «*Тири*» - натянутая нить, мост. «*Он*» - тот, кто присваивает. Хранилище натянутых нитей.

Пальцы потянулись за пером, но записать мысль гостья не успела.

Тени у входа в галерею предупредительно колыхнулись. Пламя свечей, расставленных по столу, припало к фитилям и свет сменился с тёплого на серебристый.

В галерею вошла Найя.

Хранительница замка двигалась бесшумно, как и в прошлый раз. Серое платье с высоким воротником не колыхалось при ходьбе, серебряные волосы, собранные в строгий узел, не выбивались ни на волос. А в глазах, лишённых зрачков, стоял всё тот же туман, в котором, казалось, ничего нельзя было прочесть.

Но Алисия уже научилась различать оттенки этого тумана. Сегодня в нём угадывалось напряжение, какого прежде не наблюдалось. Словно за безмолвной маской скрывалась сдерживаемая буря.

— Найя, - произнесла гостья, откладывая перо. - Ты пришла сюда, впервые за всё время.

— Здесь моё место, - ответила та ровным, лишённым интонаций голосом. – Я хранительница.

— Но ко мне ты до сих пор не подходила.

— Сегодня я решила поговорить.

Повисла пауза. Замок затаил дыхание, если у него вообще оно было.

Алисия отодвинула книги и жестом указала на свободный стул напротив. Жест получился почти хозяйским, и она сама заметила это. В первые дни, такая фамильярность показалась бы кощунством. Теперь, как что-то обычное.

— Садись, - сказала она. - Если разговор долгий, лучше сидя.

Найя опустилась на стул. Движение было плавным, механически точным, но в нём чувствовалась усталость.

— Ты изменилась, - произнесла хранительница, глядя прямо перед собой. - Когда ты попала сюда, я считала тебя пленницей, ну или хотя бы просто нежеланной гостьей. А теперь...

— Кто я теперь? - спросила Алисия.

— Не знаю. Именно это меня и тревожит.

Ладони Найи легли на полированное дерево, и под ними оно стало холодным, покрывшись тонкой изморозью.

— Ты проводишь с ним больше времени, чем кто-либо за три тысячи лет, - продолжала хранительница. - Ты назвала его сокращённым именем. Ты ешь с ним за одним столом. Тени слушаются тебя почти так же, как его. Замок перестраивается под твои привычки. А он… он пишет для тебя книги.

— Ты знаешь про учебник?

— Я знаю всё, что происходит в замке. Я его часть.

Алисия откинулась на спинку кресла и несколько мгновений молча разглядывала собеседницу. Туман в белёсых глазах клубился, и в его глубине мерцал отблеск старой, давно похороненной боли.

— Ты ревнуешь, - и это был не вопрос.

— Я предостерегаю, - поправила Найя. - Ревность - чувство, а чувства мне недоступны. Я отказалась от них, когда стала хранителем. Отказалась от всего, что делает смертного - смертным.

Последнее она произнесла с запинкой, и туман в глазах сгустился.

— Но ты помнишь, - тихо сказала Алисия. - Ты помнишь, как это - чувствовать.

— Помню, и этого достаточно, чтобы понимать, что ты идёшь по краю пропасти.

— Какой пропасти?

Хранительница подняла глаза. Впервые за весь разговор она посмотрела прямо на собеседницу, и от этого пустого взгляда по спине пробежал холодок.

— Пропасти между тем, что он есть, и тем, чем он кажется, - произнесла Найя. - Ты видишь Вал'Тириона таким, каким он становится рядом с тобой. Ты не видела его таким, каким он был три тысячи лет. Ты не видела, как он забирает чужие смерти. Как смотрит на тех, кто молит о пощаде. Как улыбается, когда очередная душа попадает в его коллекцию.

— Я видела шары, - сказала Алисия. - Видела лица тех,

кого он забрал.

— Видеть еще не значит понимать. Ты смотришь на коллекцию и видишь справедливость. Король-тиран заслужил свою участь. Женщина, отдавшая страх добровольно, получила то, что хотела. А сколько было других? Сколько было тех, кто не заслужил, но попался под руку? Сколько было тех, кто просто оказался не в том месте не в то время? Он Архивариус Бездны, не верховный судья. Он не карает и не милует, а собирает. Это его природа.

Девушка молчала. Кружка с остывшим чаем стояла нетронутой.

— Зачем ты рассказываешь мне это? - спросила наконец.

— Потому что ты назвала его сокращённым именем, - в ровном голосе хранительницы прорезалась странная, почти незаметная вибрация. – И он принял это имя. Потому что вчера он сидел у твоего камина и смотрел, как ты засыпаешь. За три тысячи лет он ни разу не смотрел, как кто-то засыпает. Смертные для него были либо источником страха, либо материалом для коллекции. Ты - первая, ради которой он остался.

— И что в этом плохого?

— Ничего, - Найя опустила глаза, и её пальцы, лежавшие на столе, сжались в кулаки. - Если ты останешься, и всё, если уйдёшь.

Тишина в галерее сгустилась до звона. Где-то на верхнем ярусе одна из книг сама собой захлопнулась, и звук прока-

тился по залу, как далёкий гром.

— Ты говоришь так, будто знаешь, что я могу уйти, - медленно проговорила Алисия.

— Я знаю, что ты человек, - ответила хранительница. - Люди уходят, даже когда обещают остаться.

— Ты поэтому отказалась быть человеком?

Белёсые глаза снова поднялись, и в их глубине промелькнула тень боли.

— Я отказалась…, - произнесла Найя тихо, - потому что любила одного человека. Он умер, а я осталась. И когда хозяин предложил мне вечность без чувств, я согласилась, потому что чувства слишком тяжёлые, смертная. Они ломают.

Алисия подалась вперёд и положила ладонь поверх сжатых пальцев хранительницы. Изморозь на столе начала таять, оставляя крохотные капельки воды.

— Мне жаль, - сказала гостья.

— Мне не нужна твоя жалость. Мне нужно, чтобы ты поняла.

— Что именно?

— Что если ты уйдёшь - он не переживёт. Не как мужчина теряет женщину., а как Бездна теряет свой якорь. Ты - искра Пустоты, но ты и нить, которая держит его в этом мире. Порви эту нить и думаю, что это будет началом конца.

Алисия убрала руку и откинулась на спинку кресла. Мысли неслись вскачь. Найя не угрожала, в этом она была уверена. Но то, что говорила хранительница, звучало весомее

любой угрозы.

— Я не собираюсь уходить, - сказала она наконец. - Я выбрала остаться не потому, что у меня нет выхода. Здесь всё, что я искала столько лет.

— Ты не знаешь его до конца.

— А ты знаешь?

Вопрос повис в воздухе. Туман в белёсых глазах замер, перестал клубиться, и на мгновение Алисии показалось, что она видит не пустоту, а глубокое страдание.

— Я знаю его три тысячи лет, - ответила Найя. - И не знаю до сих пор, потому что он не позволяет знать. Думаешь, сокращённое имя - это близость? Близость - это когда он покажет тебе не только коллекцию, но и шрам. Не только на груди, но и на душе. И знаешь, что я думаю? Он его не покажет, просто не сможет.

— Может быть, - тихо сказала Алисия. - А может быть, ещё не время.

Найя поднялась. Движение было таким же плавным, как в начале разговора, но теперь в нём чувствовалась тяжесть, словно хранительница несла на плечах не только собственное тело, но и всё, что было сказано.

— Я предупредила, - произнесла она. - Не играй с огнём, смертная. Особенно с тем, который не гаснет.

— Я не собираюсь играть, как и оставлять его.

Хранительница развернулась и двинулась к выходу. У арки она остановилась и, не оборачиваясь, добавила:

— Твоя кружка с гравировкой. Он перенёс её сюда из храма магией, потому что видел её в твоих воспоминаниях и знал, что она важна. Это не просто забота. Это... - она помолчала, подбирая слово. - Это начало того, чего он сам пока не понимает.

И ушла, оставив за собой холодный воздух и тени, которые ещё долго не могли успокоиться.

Алисия осталась одна. Книги на столе ждали, но она не могла заставить себя вернуться к чтению. Слова хранительницы звучали в голове, наслаиваясь на то, что было сказано раньше: Вал'Тирионом в тронном зале, Хлопом у камина, тенями в круглой комнате.

«*Ты часть коллекции, но ты исключение*».

«*Она особенная, Хлоп, ты уж постарайся*».

«*Ты искра Пустоты и нить, которая его держит*».

Гостья взяла новый дневник и раскрыла его на чистой странице. Перо обмакнула в чернильницу и некоторое время сидела неподвижно, подбирая слова.

*«Найя нарушила молчание. Говорила о нём и обо мне. О том, что я - якорь, а он - Бездна. О том, что люди уходят, а он не умеет отпускать. О том, что сокращённое имя, ещё не близость, а только первый шаг к ней. Вопросы: почему она, хранительница, которая три тысячи лет была лишь тенью, решила заговорить именно сейчас? Ответа нет. Но я чувствую, что это было просто предостережение от жен-*

*щины, которая любила и потеряла, к женщине, которая только начинает... (закончить мысль позже)».*

Записав это, хозяйка дневника отложила перо и подошла к краю галереи. Прозрачный пол открывал вид на реку из звёздной пыли, что текла где-то глубоко внизу. Сегодня её течение казалось быстрее обычного, а искры вспыхивали ярче.

Алисия смотрела в звёздную реку и думала о том, что хранительница права в одном: она действительно не знает его до конца. Но Найя ошибалась в другом: знание - не условие близости, а её результат. И если Архивариус не умеет показывать шрамы, что ж. Она умеет ждать, наблюдать и задавать правильные вопросы.

А ответы... ответы придут.

***

Вечером, когда тени сгустились и замок погрузился в обычную свою полудрёму, дверь спальни отворилась без стука. Вал'Тирион стоял на пороге в домашней рубашке и с распущенными волосами.

— Ты разговаривала с Найей, - произнёс он.

— Да.

— Она была резка.

— Она была честна, - Алисия отложила дневник и поднялась с кресла. - Ты знаешь, что она любит тебя?

Ответа не последовало, но он и не требовался, молчание

было красноречивее слов.

— Она боится за тебя, - продолжила гостья. - Боится, что я уйду.

Он шагнул в комнату и остановился у камина.

— Ты собираешься уходить? - спросил он наконец.

— Нет, я не меняю решений.

Пламя в камине вспыхнуло ярче.

— Хорошо.

— И всё? - она приподняла бровь. - «Хорошо»?

— А что ты хочешь услышать?

— Не знаю. Может быть, «я рад» или «спасибо».

— Я рад, - сказал Вал'Тирион с таким выражением лица, будто пробовал на вкус незнакомое блюдо. - Спасибо.

Алисия рассмеялась искренне, и смех этот отозвался эхом в стенах замка. Древнее зло изучало человеческую благодарность, и это было самым абсурдным и самым трогательным зрелищем, какое она видела за последние дни.

Он ушёл, а она ещё долго стояла у камина, глядя на закрывшуюся дверь. Тени в углах постепенно расслаблялись, серебряное пламя возвращалось к обычному ритму.

Алисия опустилась в кресло и потянулась за дневником. Перо легло в пальцы привычно, но слова не шли. Слишком многое нужно было записать, слишком путались мысли. Разговор с Найей. Предостережение о пропасти. Его вопрос: «*Ты собираешься уходить*?» И его неуклюжее «*я рад*», как первое слово ребёнка, и оттого ещё более ценное.

Она всё-таки заставила себя писать:

*«В его голосе не было угрозы, было что-то другое, чего я не слышала раньше. Найя права: он меняется рядом со мной, но она не видит главного: я тоже меняюсь. И меня пугает не то, что он Архивариус Бездны. Меня пугает, что я перестаю это замечать».*

Перо замерло. Девушка перечитала написанное и добавила на полях:

*«Вопрос: почему он так реагирует на меня? Что такого в той детской смерти двадцать лет назад? Что на самом деле значит "искра Пустоты"? Я чувствую, что ответ где-то рядом - в закрытых секциях библиотеки, в хрониках, которые он не разрешает открывать. И я найду его.. Потому что без этого я не пойму, что между нами - его выбор или что-то большее».*

Алисия закрыла дневник и долго сидела, глядя в серебряное пламя. Где-то в глубине замка, за сотней стен, Архивариус Бездны стоял у окна и смотрел в реку из звёздной пыли. Татуировки на его предплечьях текли медленно и в их рисунке читалось то, что он сам пока не мог назвать.

Они думали об одном и том же.

# Γ

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.